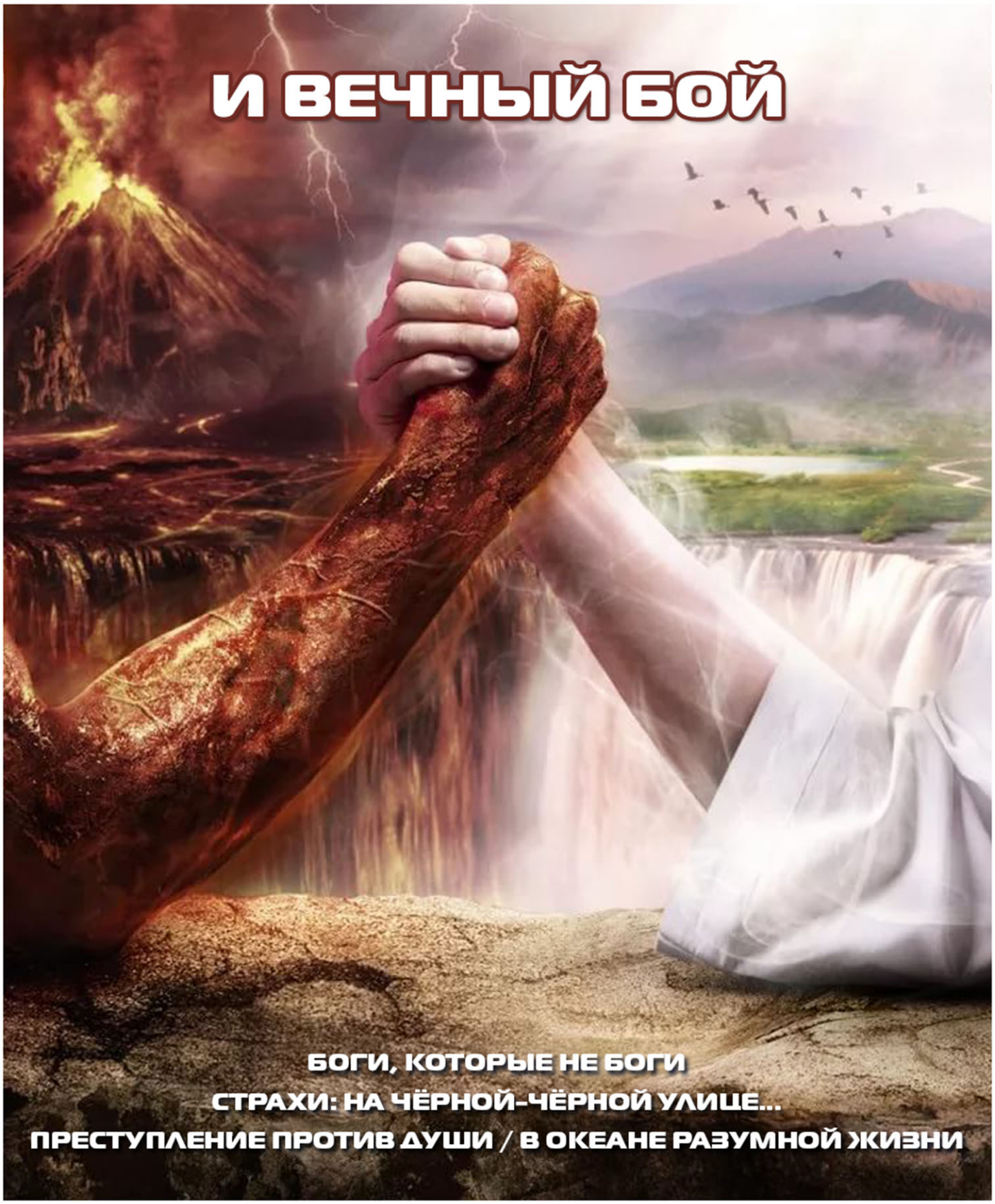
Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО
№07
октябрь
2017

Кто желает блага, тот должен желать блага, равного миру

И ВЕЧНЫЙ БОЙ

БОГИ, КОТОРЫЕ НЕ БОГИ

СТРАХИ: НА ЧЁРНОЙ-ЧЁРНОЙ УЛИЦЕ...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ДУШИ / В ОКЕАНЕ РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ

К ЧИТАТЕЛЮ

Седьмым номером открывается второй год существования журнала. Он расширился ещё на одну рубрику — «Достойное кино», на страницах которой будет рассказываться о хороших, могущих чему-то научить художественных фильмах, преимущественно прошлых лет. Далеко не факт, что важнейшим из искусств для нас является кино; но что оно является очень весомым культурно-моральным фактором, влияющим на формирование человеческой личности, это бесспорно. Первыми фильмами, о которых пойдёт речь, станут самурайская драма «Падение замка Ако», основанная на реальных событиях, и комедия на тему конфликта между коммунизмом и религией «Маленький мир дона Камилло».

Человеку как таковому, его жизни, его проблемам и его духовности в нашем журнале всегда отводится центральное место. Вот и в этом номере ему посвящён целый ряд материалов. Прежде всего, это две статьи на общественные темы, — «Без банального заголовка», к годовщине трагедии 11 сентября, и «Каталония: шаг назад, два вперёд», по поводу событий, которые не просто свежи в памяти, но ещё продолжаются и, кажется, далеки от завершения. Сюда же, некоторым образом, примыкает статья «Человек власти, власть человека», в основу которой положен один из текстов пандэкта и в которой рассматривается вечно актуальная тема сущности власти. Далее назову материал «Об аспектах познания себя через единство с миром», к говорящему заголовку которого можно не прибавлять дополнительных комментариев, а также «Страхи: на чёрной-чёрной улице...», посвящённый рассмотрению того, какими бывают наши страхи, откуда они берутся и что можно им противопоставить. Нельзя также не упомянуть небольшую заметку «О главной теме Учения». И это ещё не полный перечень тем, главным предметом которых является человек.

Из других материалов особо отмечу «Боги, которые не боги», где рассказывается о тех, кто фигурирует в Учении под этим названием, и объясняется, почему это не имеет отношения к религии.

Также в седьмом номере вы сможете прочитать о том, что ждёт человека в конце цепочки перерождений, где берёт свой исток общечеловеческая мораль, как сформировалась терминология Учения, почему оно придаёт огромное значение идее борьбы, где храм его последователей, почему приворот является преступлением против души, почему человечество не одиноко во Вселенной, и т.д.

В НОМЕРЕ:

Картина мира
3 В конце пути
8 Боги, которые не боги

Этика, принцип, философия
11 От самого истока
15 Об аспектах познания себя через единство с миром

Анатомия Учения
19 Пандэкт: отношение
24 Несколько слов о терминологии

С точки зрения Учения
28 И вечный бой
32 Преступление против души

Человек, общество, мир
37 Без банального заголовка
40 Каталония: шаг назад, два вперёд
44 Страхи: на чёрной-чёрной улице...

Достойное кино
52 Падение замка Ако
56 Маленький мир дона Камилло

Человек и Вселенная
60 В океане разумной жизни

По страницам пандэкта
63 Человек власти, власть человека

Цитаты и высказывания
69 Двадцатидневье IX, 22-23
71 Где ты помнишь об Истине...

Вопросы и ответы
73 Об истинности Учения
75 О главной теме Учения

№07
октябрь 2017

Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

Духовно-познавательный журнал «Our space» («Наше пространство»)

Первое интернет - издание, посвящённое Учению Единого Храма. Тематика журнала охватывает пространство жизни Учения, его взгляды на мир и человека, его отношение к различным явлениям жизни и событиям.

Журнал не является строго периодическим и выходит только в электронном варианте.

Сайт издания расположен по адресу:
http://amra.space/

Материалы публикуются на сайте по мере их написания. Вопросы и предложения можно отправить через форму обратной связи.

© 2017 «OUR SPACE»
Все права защищены.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на «OUR SPACE» обязательна. В случае использования материалов на интернет-ресурсах обязательна гиперссылка на сайт www.amra.space

В конце пути

В Учении нет такого понятия, как рай. Человек после смерти некоторое время пребывает в мире энергии, а затем вновь рождается в физическом теле. Потом вновь умирает и переходит в мир энергии, и снова перерождается. С каждым перерождением он становится лучше, совершеннее, — иногда значительно, иногда почти незаметно, — и всё более приближается к высшей точке своего развития. Но если рая нет, то что же ожидает его в конце пути?

Все мы идём в мир Духа. Можно ли сравнить его с раем? Отчасти. Мир Духа проще всего представить себе как свет, как некое пространство, заполненное сияющей субстанцией. Свет всегда ассоциируется с чем-то хорошим, с благом. Поэтому людям рай чаще всего представляется местом, исполненным сияния. И хотя это сияние, как правило, связывается с присутствием неких божественных сущностей, аналогия всё же налицо. Впрочем, если говорить именно о божественном сиянии, то и здесь аналогия вырисовывается вполне отчётливо. Ведь что такое Дух? Это наиболее совершенная из субстанций Творца, — то, что можно назвать его душой. И если провести аналогию также между богом-творцом

в религиозном понимании и Творцом в понимании Учения, то получится, что пребывать в мире Духа — это больше, чем находиться в присутствии бога. Это означает находиться в самом боге, и быть не просто сопричастным ему, но быть его частицей.

Здесь уместно задаться вопросом: а не послужило ли глубокое подсознательное знание о мире Духа основой для представлений о рае, вошедших в различные религии и мифологии? Такое знание живёт в каждом из нас. Иначе и быть не может, поскольку человеческая душа есть ни что иное, как частица души Творца, и в ней живёт память о мире Духа, как о месте, где она, так сказать, родилась и куда должна вернуться. Каждый знает (хотя и не отдаёт себе в этом отчёта) об исполненном сияния месте, где он окажется в конце своего духовного пути и где будет сопричастен некой высшей благой силе. Сделайте поправку на различие деталей, обусловленное специфическими чертами различных мифологий, — и получите знакомую картину религиозного рая. Таким образом, на поставленный выше вопрос можно с большой уверенностью ответить утвердительно. Да: в основе представлений о рае лежит подсознательное знание. Как, кстати, и в основе представлений об аде. Но об этом — как-нибудь в другой раз.

Кроме света и божественного присутствия неизменным атрибутом рая в представлении человека является наслаждение. Можно даже сказать, что оно является основным атрибутом. Неудивительно: ведь рай обычно рассматривается как награда, — а награда и должна заключать в себе наслаждение. Сам же спектр удовольствий, предлагаемых различными вариантами рая, достаточно широк: созерцание Господа и пение ангелов в христианстве, тенистые сады и гурии ислама, пиры скандинавской Валгаллы, полная отрешённость буддийской нирваны (которую тоже можно считать вариантом рая), загробные охотничьи просторы индейцев, изобильные дичью, и т.д. Видно, что тут всё относительно. Каждая культура помещает в рай то, что считает высшим наслаждением, — и у разных культур это разные блага. Неизменным остаётся лишь основной постулат: рай дарует наслаждение.

Как же всё обстоит на самом деле?

Дух — наиболее совершенная из субстанций Творца, несущая в себе качества его личности. Но всё же Творец несовершенен. Именно для прохождения особого этапа своей эволюции, заключающегося в углублённом самопознании и внутреннем моральном совершенствовании, он и претворил себя во Вселенную. И частицы Духа, то есть частицы души Творца, совершенствуются, пребывая в телах людей и других осознающих. Такая частица выделяется из мира Духа —

выделение заключается в том, что она обретает энергетическое и материальное тела, получая при этом определённую степень самостоятельности — и проходит ряд перевоплощений, познавая мир и себя и становясь лучше. Когда в этом достигнут предел возможного, она лишается (за ненадобностью) материального тела, переставая перевоплощаться, затем лишается энергетического тела, и снова в полной мере сливается с миром Духа, привнося в него все те благие качества, которые обрела в своём пути.

Такова самая общая схема. И здесь необходимо отметить ряд принципиально важных моментов.

Во-первых, мир Духа не остаётся неизменным сам по себе. Дух совершенствуется через свои частицы; с возвращением каждой из них в мир Духа вся его субстанция становится совершеннее. И даже ещё до возвращения разные частицы Духа помогают друг другу совершенствоваться за счёт того, что качества, приобретённые одной частицей, отчасти сообщаются другим частицам. В целом же мир Духа совершенствуется вместе с нами. Наши души — его частицы; он слагается из них. Становятся совершеннее они — становится совершеннее он. Вот и получается, что мы не приходим в рай, созданный и подготовленный для нас некими высшими силами: мы создаём его сами. Мы — те кирпичи, из которых выстроены райские дворцы, и те плоды, которые вызревают в райских садах.

Во-вторых, когда выше я говорил «мы», я подразумевал не только людей, но вообще всех осознающих. Во Вселенной много разумных рас, и мир Духа — один на всех. Все осознающие имеют души, — то есть в каждом из них живёт и совершенствуется частица Духа. И все частицы в конце своего пути возвращаются в мир Духа, делая его совершеннее. Если продолжить параллель с раем, то это расширяет его до небывалых пределов. Рай, куда сходятся существа со всей Вселенной, — как люди, так и самые невероятные и невообразимые формы разумной жизни. Рай, создающийся из их душ, выстраивающийся из их совокупного блага. В какой религии можно встретить подобное? Реальность удивительнее любых фантазий.

В-третьих, каждый рано или поздно окажется в мире Духа. Разделения, привычного религиям, — праведники в рай, грешники в ад, — не существует. Все в итоге придут в мир Духа. Только путь одного будет короче, а путь другого длиннее, — потому что одним он даётся легче, а другим труднее. Но пройдут его все. Не будет итогового разделения на грешников и праведников, — потому что каждый грешник однажды станет праведником. И отсюда вытекает дополнительный важный момент: поскольку разделения не будет, то и использование понятий ада и рая в качестве политики кнута и пряника не имеет смысла. Не будет вечного ада,

ни для кого, — а значит, страх как стимул становится неактуальным, и запугивание исключатся. Точно так же исключается заманивание райскими благами, действующее как подкуп и играющее на своего рода духовной меркантильности. Мы все придём в мир Духа, — но не потому, что будем бояться вечных адских мук и алкать вечных райских наслаждений, а потому, что совершенствование есть естественный процесс, ведущий к закономерному результату. Мы все идём из света в свет, и мы все придём туда. Изгоев не будет.

Что же ждёт нас в мире Духа? Нас ждёт слияние. Мы и сейчас едины, но в этом единстве присутствует некоторая степень эмансипации друг от друга, — потому что для успешного развития каждый должен быть личностью, в чём-то единой с другими, а в чём-то самодостаточной и уникальной. Частица Духа обретает тело и индивидуальность, а затем, пройдя свой путь, оставляет тело и вновь сливается с миром Духа. Теряет ли она при этом свою индивидуальность? На этот вопрос нельзя однозначно ответить «да» или «нет». Всё несколько сложнее. Наверное, правильнее всего будет сказать, что индивидуальность становится дополненной. Твоя частица Духа сливается в единое целое с другими частицами, — то есть твоя душа сливается с душами других людей и иных осознающих. И их личности и воспоминания становятся твоими. Ты продолжаешь осознавать себя как себя, — но в то же время и каждого из них осознаёшь как себя, а их жизни помнишь как свою. Создаётся как бы сверхличность, объединяющая в себе все личности, обладающая их совокупной памятью и опытом, мыслящая их разумами как единым разумом. Следует ли считать это утратой индивидуальности? Нет. Скорее, это невообразимое расширение личности, её выход на новый уровень самоидентификации. Ведь сверхличность, формирующаяся в мире Духа, это ни что иное, как новая личность Творца. Когда она сформируется окончательно, — то есть когда весь Дух обновится и станет совершеннее через свои частицы, — тогда произойдёт преображение Творца, его превращение в более совершенное существо. И это означает, что целью нашего пути в мир Духа является не последующее вечное наслаждение какими-то благами, а рождение нового, более совершенного и благого Творца. С такой точки зрения всё обретает смысл.

Для завершения наброска общей картины, который я даю в этой статье, остаётся добавить, что продвинутые — воспользуемся этим словом — качества единой личности, формирующейся в мире Духа, помогают и тем, кто ещё не пришёл туда. Ведь отделение от мира Духа остаётся относительным; частицы Духа, живущие в каждом из нас, связаны с миром Духа и друг с другом. Это нечто вроде единой сети, по которой передаются обретённые положительные качества, — как от частицы к частице, так и от мира Духа к частицам. Это значит, что входя

в него, каждый продолжает помогать остальным, — тем, кто ещё в пути. Ну и возвращаясь к вопросу о наслаждениях. Можно ли считать таковыми ощущение всех личностей как своей и помощь всем, через благие качества? Думаю, да. Только это наслаждения иного, более высокого порядка, чем те, которые описываются как атрибуты религиозного рая и которые чаще всего оказываются обычными земными радостями, пересаженными на райскую почву. И в полной мере оценить наслаждения мира Духа можно лишь по достижении той ступени развития, на которой они становятся возможными.

Всё это продолжается, и будет продолжаться ещё очень долго. Из мира Духа исходят частицы, обретают тела, проходят свой путь и возвращаются обратно, но уже более совершенными. Конец пути там же, где его начало. Мы исходим из света и возвращаемся в свет. Если вернуться к параллели с раем, то можно сказать, что каждый рождён в раю, затем покидает его, чтобы пострансствовать, даже пострадать, набраться ума, опыта, доброты и силы, а затем вернуться в рай и сделать его лучше, чем он был. Необычная картина, правда? И ещё более необычной её делает следующее обстоятельство: конец нашего пути — это приближение начала нового этапа пути Творца. То есть мы, на самом деле, идём не к концу пути, а к началу. К началу нашего нового пути. Ведь мы и Творец — одно. Чтобы понимать, что происходит и в чём смысл происходящего, нужно всегда помнить об этом.

© Атархат, 2017

Боги, которые не боги

Учение появилось благодаря откровению Бога Мудрости. И в пандэкте есть тексты, надиктованные не только им, но и другими богами. Так что же получается — Учение признаёт существование богов? Именно даже не Бога, а многих богов. То есть Учение — религия, причём ещё и языческая? Однако его последователи подчёркивают, что оно не является религией. Как же такое может быть?

Чтобы понять это, для начала нужно правильно поставить вопрос. И верная его формулировка будет звучать примерно так: кого Учение подразумевает под «богами?». В этой формулировке уже просматривается ответ на сам вопрос. Учение кого-то подразумевает под «богами», — иначе говоря, это не боги в религиозном смысле слова, а то, что им уподобляется по некой аналогии. И уже понятно, что при таких условиях Учение вполне может не быть религией.

Кто же такие боги Учения? Фактически, это законы Природы. Но что такое законы Природы? Мы видим их действие, но не видим их самих. Это некие бестелесные силы, которые нельзя пощупать. Бестелесные силы, при этом вершащие жизнь мира, управляющие процессами и материей... Ничего не напоминает? Мне напоминает. Религию. И ведь именно таким выглядит научный

подход. Он как бы материалистичен, — но разве материалистичны законы Природы? Они могут проявляться через материю, но сами лежат за её пределами. Вот так материализм может увести ищущего человека от религии, провести по кругу и снова привести к ней.

По Учению же эти законы имеют энергетическую сущность. В энергетике каждого закона, как на некой матрице, записано, что делает этот закон, как делает, для чего, как он взаимодействует с другими законами и т.д. Причём эта энергетика — не просто сгусток энергии, а живое существо, обладающее своеобразной формой сознания и способное отдавать себе отчёт в своих действиях. Самая близкая аналогия — живая самообучающаяся программа, записанная на энергетическом носителе. У каждого закона Природы есть такое энергетическое тело-носитель, энергетическое существо, в определённом смысле мыслящее и чувствующее, смысл существования которого заключается в осуществлении записанного в нём закона. То есть законы Природы вполне вещественны, — но не на материальном, а на энергетическом уровне.

Науке эти существа пока ещё не известны; соответственно, у них нет научного определения и названия. А вот религии имеют представление о них, — хотя представление искажённое, не как о законах Природы, а как о неких сверхъестественных существах, чудесным образом влияющих на мир и людей. Существа эти называются богами. Ну а поскольку очень трудно представить себе что-то, чего никогда не видел, то представить обычно пытаются по аналогии с чем-то известным. Поэтому богов всегда (или в абсолютном большинстве случаев) представляли себе человекоподобными — или хотя бы более-менее антропоморфными — и приписывали им человеческие качества и мотивации. Плюс несколько фантастических черт и атрибутов, плюс фантастическая биография (надо же объяснить, откуда тот или иной бог взялся и почему он делает то, что делает), — и вот уже возник образ, имеющий мало общего со своим прототипом.

Откуда же берутся исходные понятия, понятия о тех самых прототипах? Прежде всего, из человеческого подсознания. Человек — частица Природы, и в нём на очень глубоком уровне заложено подсознательное, можно сказать, инстинктивное знание о том, как устроена Природа, и в том числе о сущности её законов, о том, что это живые существа. Человек всегда чувствовал, что есть некие существа, управляющие всем; знал, что такие существа непременно должны быть. И это неосознанное знание от раза к разу находило себе выражение через верования в различных могущественных духов и богов. Другой источник — вполне конкретные знания, полученные тем или иным путём: иной раз благодаря прорыву в ком-то подсознательного знания, о котором была речь выше, иной раз благодаря сохранённым воспоминаниям из посмертия, иной раз благодаря контакту непосредственно с кем-то из богов (т.е. получению того, что называется откровением). Может быть, и ещё как-то. Но в конечном счёте всё это

перетолковывалось, обрастало домыслами и мистикой, и превращалось в очередные мифы о богах.

Как бы то ни было, прежде всего встаёт вопрос терминологический: как называть эти существа, — т.е. живую и разумную энергетику законов Природы? Научного названия у них нет. В оккультизме у них также не имеется чёткого определения и названия; там представления о них расплывчаты и смешаны с целым рядом других представлений. В религиях они обычно называются богами. Придумать для них оригинальный, нигде более не встречающийся термин и ввести его в русский язык? Это было бы, по меньшей мере, странно. Но термин-то необходим. Поэтому Учение традиционно называет их богами, — что всё-таки хоть немного отражает их сущность как тех, кто управляет законами Мироздания. Есть и другой термин — «элементалы». Точнее говоря, «высшие элементалы». Это несколько изменённый оккультный термин «элементали», с откорректированным значением. Он употребляется в Учении наравне с термином «боги».

Итак, боги Учения — на самом деле не боги в привычном смысле этого слова, а энергетические сущности законов Природы. И ничего сверхъестественного, мистического в них нет. Наука ещё просто не готова к открытию и изучению мира энергии и его обитателей; у неё нет для этого ни инструментов, ни методов, ни теоретической базы. Ну а сам мир энергии, со всеми своими пространствами, свойствами, объектами и насельниками, является естественной частью Природы, частью её механизма, её эволюционного процесса.

Поэтому хотя Учение и говорит о богах, оно не вкладывает в это понятие сверхъестественного, религиозного смысла. А следовательно — и в такие понятия, как «откровение», «пророк» и т.п. Конечно же, в нём не имеется и культа. Законам Природы незачем поклоняться и молиться, их незачем восхвалять и о чём-то просить. Они и без того делают всё, что должны делать, — и делают настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Они не отнимут и не дадут ничего, чего не должны отнять или дать; проси их об этом хоть всю жизнь, ты ничего не изменишь, — в том числе ни лестью, ни подкупом, ибо они не нуждаются в славословиях и приношениях.

Нужно ли им что-то от людей? По большому счёту, только одно: чтобы люди были людьми. Это нужно самой Природе. Ей нужно, чтобы люди, очень важные и ценные её частицы, были тем, чем они должны быть, — благой, созидательной силой, способной сделать мир лучше, способной помочь Творцу стать совершеннее. Боги хотят, если можно так выразиться, чтобы люди работали с ними в одной команде, делали общее дело. Общее для людей и богов. Чтобы люди помогали естественному порядку вещей, а не мешали, укрепляли его, а не расшатывали. Богам не нужно поклоняться: нужно лишь правильно понимать, кто они, и совместно с ними трудиться на всеобщее благо.

Вот так. И никакой мистики.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЭТИКА, ПРИНЦИП, ФИЛОСОФИЯ**

От самого истока

Когда заходит разговор о морально-этическом аспекте Учения, я традиционно констатирую следующий факт: он неоригинален. При всей самобытности Учения и оригинальности его мировоззрения, этот аспект практически полностью совпадает с общечеловеческой моралью.

Но можно ли вообще говорить о таком явлении, как общечеловеческая мораль? Существует ли она? Да, она существует. И в этом нетрудно убедиться, окинув взглядом историю и культуру человечества.

Обнаруживается, что во все известные науке эпохи, начиная с древнейших, от которых сохранились литературные или мифологические памятники, добром и злом, в моральном аспекте этих понятий, всегда считалось примерно одно и то же. Например, честность всегда считалась положительным качеством, а лживость и подлость — отрицательными. Таких пар-антагонистов можно насчитать множество. Верность и предательство; щедрость и жадность; нравственная чистота и развратность; милосердие и жестокость; справедливость и несправедливость; трудолюбие и лень; храбрость и трусость; упорство и слабохарактерность; великодушие и злобная зависть; почтительность и хамство; рассудительность и опрометчивость; чистосердечие и коварство; способность на подвиг и малодушие; верность долгу и пренебрежение им; стремление к свободе и рабская покорность; и прочее, прочее, прочее. Начиная с Шумера, Древнего Египта и Древнего Китая и до наших дней, мы видим эти критерии в действии. Конечно, разные культуры и разные формы социального устройства порой имеют

свои моральные нюансы. Например, при рабовладельческом или крепостном строе нормой было лишать человека свободы и рассматривать его как собственность. Но даже те, кто это делал, ценили свободу, — только свою. И со временем рабовладение было осуждено и упразднено везде: понимание того, что владеть человеком как вещью аморально, взяло верх. Или, например, в некоторых культурах бытует многожёнство. Но там это не рассматривается как разврат; а то, что считается развратом в их понимании, строго осуждается. То есть те же самые моральные критерии актуальны и в приведённых случаях, — просто рамки их несколько сдвигаются. Подобные отклонения от общей нормы встречаются то там, то сям; но это частные случаи, очень заметные именно на фоне общей картины, являющей единство, можно даже сказать, универсальность человеческой морали.

Такое же единообразие мы находим и в специфической области морали — в области духовной, или, если брать несколько уже, религиозной. Нормой здесь всегда была верность своему духовному пути, следование его нормам и принципам, глубокое почитание духовных наставников и т.д.

Итак, Учение провозглашает моральные принципы, которые можно считать общечеловеческими, — как в целом, так и, конкретно, в духовной сфере. В чём же здесь отличие от других учений и культур? В том, что Учение даёт всему этому собственные обоснования, вытекающие из его картины мира. Иначе говоря, новизна тут заключается не в провозглашении каких-то новых моральных ценностей, а в новом обосновании старых. Само по себе это тоже не является чем-то новаторским. Каждой культурой или религией даются собственные, характерные именно для неё обоснования общечеловеческих по сути моральных норм. Вам везде объяснят, со своей точки зрения, почему честность, преданность и справедливость — хорошо, а подлость, воровство и разврат — плохо. Но как бы это ни обосновывалось, всё первое так или иначе окажется благом, а всё второе — злом. И так было всегда.

Почему же так получается? Лучшее объяснение, которое приходит в голову, таково: в человечество и, тем самым, в каждого отдельного человека изначально заложено нечто, что определяет эти моральные критерии как верные, единственно правильные. Нечто на уровне инстинкта, или даже на ещё более глубоком. Это нечто настолько сильно, что позволяет людям чувствовать, что правильно, а что нет. Чувствовать — но не понимать. Потому что таких вещей нельзя понять вдруг — вот так взять и понять. Для понимания нужны знания. Нужно иметь представление, откуда что берётся. Увы, одного общего, объективного представления у людей пока нет, и никогда не было. А объяснить как-то было надо; без объяснения и обоснования даже самые лучшие принципы оказываются неработоспособными. Поэтому каждая культура или религия давала им свои объяснения, находя в своём мировоззрении — или даже добавляя в него — то, что

могло бы их обосновать. Таким образом и возникла странная ситуация: моральные нормы у них похожи, но договориться и даже просто хорошо ужиться они не могут. Перекос уходит не в сторону сходства, а в сторону различий, и это порождает вражду. В наше время, правда, предпринимаются попытки переломить ситуацию, акцентировав внимание именно на сходствах, и тем самым добиться сближения и даже объединения разных традиций. При этом различия намеренно игнорируются. Но ведь они никуда не исчезают, и остаются препятствием для осуществления этих намерений. Невозможно преодолеть препятствие, игнорируя его. И попытки, о которых идёт речь, выходят хронически неудачными. Однако это — отдельная большая тема. Сейчас разговор о другом — о том, откуда взялась общечеловеческая мораль.

В каждом из людей содержится частица Духа. Весь Дух в целом — это то, что можно назвать душой Творца. И его душа содержит в себе, скажем так, рисунок его личности, его качества, и даже его память. Но всё это не лежит на поверхности. Оно сокрыто глубоко в человеке, — на уровне более глубоком, чем подсознание. В Учении этот уровень называется духосознанием, — то есть тем, что скрыто влияет на нас из нашего Духа. Это тоже отдельная и важная тема, и она обязательно будет освещена, — но не в данной статье. Здесь речь идёт лишь об одном конкретном проявлении духосознания: о его моральном посыле.

Фактически, в человека вложены моральные нормы Творца, вытекающие из его лучших качеств. Другой вопрос — хочет ли человек следовать этим нормам. Он чувствует их, они влияют на его оценки себя, других людей и окружающей действительности. Но он обладает свободной волей и возможностью выбора, и потому зачастую не следует им, — порой нарочито не следует, отдавая себе в этом отчёт и акцентируя это для окружающих. Однако они всё равно присутствуют и остаются актуальными. И формируют общечеловеческую мораль. То, что, согласно ей, является лучшими качествами, — это благие качества Творца, вложенные в людей. Худшие же качества — это то, что становится противовесом им: некоторые несовершенства Творца, проявляющиеся вот так, как антиподы положительных качеств. Несовершенства, которые нужно преодолевать и изживать, чтобы Творец мог стать совершеннее. В этом и заключается первичный, главный смысл морали, этики, нравственности вообще. Через людей и других осознающих Творец борется со своими несовершенствами. Наша Вселенная создавалась как поле для этой борьбы.

Общечеловеческая мораль вытекает, как из общего истока, из скрытого понимания, что хорошо, а что плохо, вложенного в душу каждого из нас. Можно спросить: «А не слишком ли просто? Неужели оно вот так вложено в нас, как некий дар, — берите и пользуйтесь?». Нет, всё вовсе не просто. Хоть дар и вложен в нас, им ещё нужно научиться пользоваться. А это у человечества получается, прямо скажем, не очень. Хотя верные моральные критерии говорят в людях достаточно

громко, ощущаются достаточно чётко, создают моральный климат человечества на протяжении тысячелетий и, подобно ориентиру, ведут его через все бури и перипетии его истории, эти критерии, во-первых, нужно понимать, а во-вторых, нужно хотеть им следовать. Так что это отнюдь не бонус, счастливо упавший прямо в руки и облегчивший всем труд совершенствования. Серьёзнейшее подспорье, бесценный ориентир, — да, безусловно. Но никак не решение всех моральных проблем. Преодолеть проблемы ещё предстоит. Для этого нужно познавать себя и мир. Нужно научиться понимать, как мораль вписывается в его систему, а не просто что-то чувствовать. На одном ощущении далеко не уедешь. Поэтому человечество уже много тысяч лет ходит по кругу, то выбираясь из болота незнания и безнравственности, то снова увязая в нём.

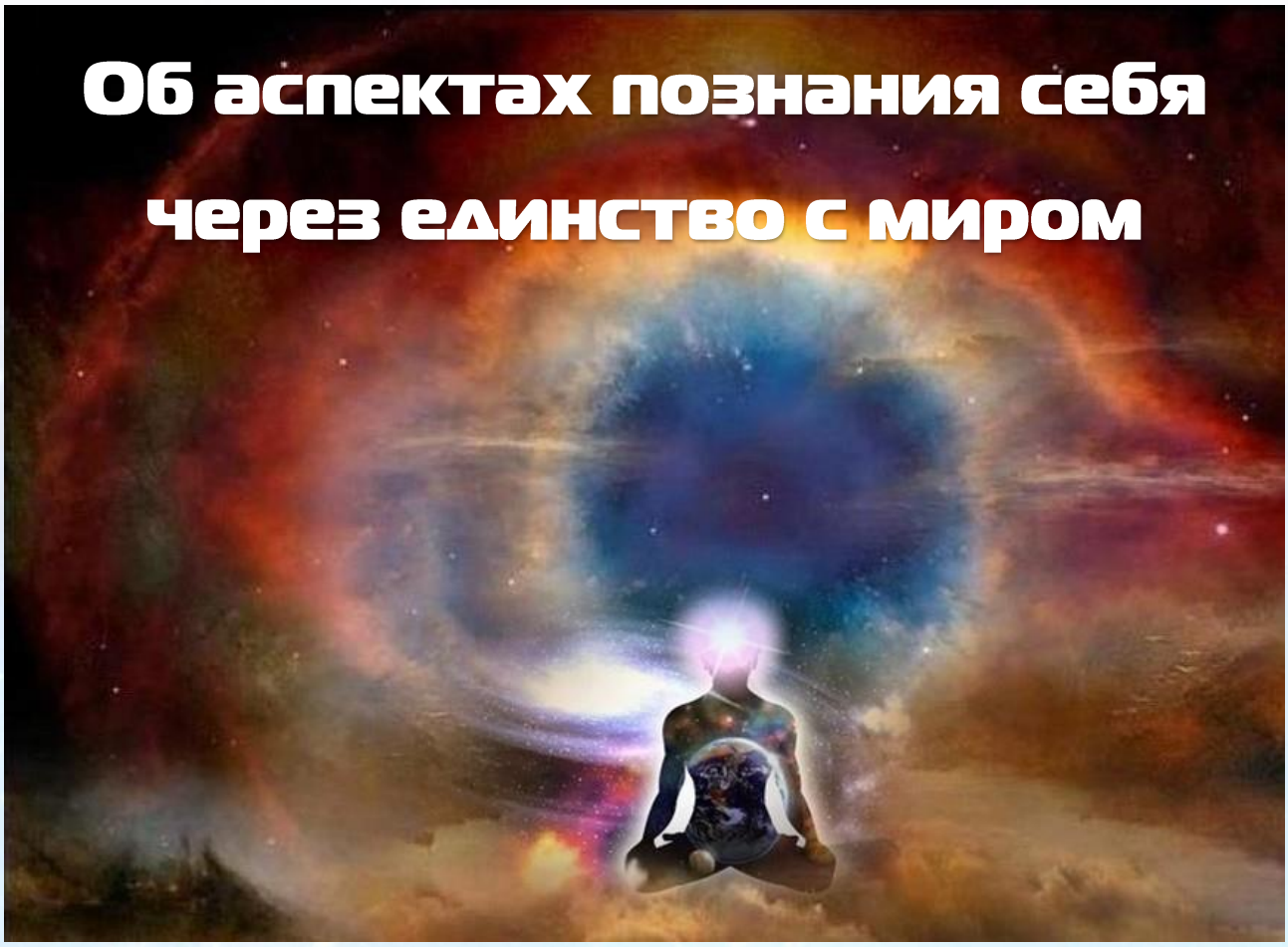
Тем не менее, общечеловеческая мораль существует. Если добраться до самого её истока, то мы обнаружим, что она вытекает из Духа, — из души Творца, частица которой досталась каждому из людей. Человечество интуитивно — будем говорить так — знает, что морально, а что нет. Знание, живущее в каждом человеке, сливается в знание общечеловеческое, связуя собой самые отдалённые эпохи и самые разные культуры. Оно создаёт общую, единую основу, по которой каждая культура и каждое мировоззрение вышивает свой собственный узор. Но до основы хотят добраться все. Все хотят познать истину о мире и человеке. И чем больше люди будут к ней приближаться, чем яснее будут видеть и понимать её, тем меньше будет становиться расхождений, противоречий и вражды. Однажды люди поймут самих себя, поймут, что у них в самом деле одна мораль на всех, разглядят её исток.

В заключение добавлю, что на самом деле масштаб здесь гораздо больше. Выше я сказал, что Творец борется со своими несовершенствами через людей и других осознающих. Это действительно так. Ведь Дух как общий исток морали — он общий не только для людей, но и для всех осознающих, для всех разумных рас Вселенной. Потому что душа Творца — одна на всех. Так что уместно говорить не только об общечеловеческой морали, но и о морали обще... Как тут сказать?.. Необходимого термина пока ещё не существует. Никто ещё не задавался вопросами описания единого морального пространства всех разумных видов во вселенских масштабах. Но оно существует. Если добраться до самого истока морали, то окажется, что он общий для всех. Не только для всех людей, но вообще для всех, — живших, живущих, и тех, кто ещё будет жить на невообразимо огромных просторах нашей Вселенной. Человечество, как и другие разумные расы, приникло к этому истоку и пьёт из него влагу, дарующую жизнь. Дарующую жизнь в прямом смысле этих слов. Дарующую её всем нам и Творцу.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЭТИКА, ПРИНЦИП, ФИЛОСОФИЯ**

Об аспектах познания себя через единство с миром

Снова возвращаюсь в своих размышлениях к идее единства с миром. Я упоминала уже о целом ряде особенностей и закономерностей, которые вытекают из этого удивительного принципа; сегодня же хочу коснуться еще одной. Речь пойдет о познании себя. К познанию себя стремятся во многих традициях, пытаются достичь этого через различные практики, — такие, как, например, медитация. В нашем же понимании познание себя начинается с познания мира. Если представить, что клетка в организме обладает активным разумом и способна ощущать себя как личность, то несложно понять, что свое истинное предназначение и цель своего существования она смогла бы определить только понимая, как устроен весь организм и какое место она в нем занимает. Этот же принцип справедлив и относительно человека. Только понимая, как устроена Вселенная и какое место в ней занимает человек, можно доподлинно понять, с какой целью он был порожден Природой и каким ему надлежит быть.

Я уже говорила, что человек — великое существо, на котором лежит ответственность за будущее Вселенной. Через него, как и через другие разумные существа во Вселенной, совершенствуется Дух. Осознающее существо

порождено для совершения нравственного выбора, и именно это кардинально отличает его от других живых существ. Можно сказать, что человек — то ушко иголки, через которое протекает все бытие Вселенной, чтобы перейти на новый этап развития. Великая цель и великая ответственность. Вмещая в себя единицу личности, через единый Дух каждый из нас вмещает в себя и всю Вселенную целиком. Словно бы вся Вселенная сменила свое восприятие и начала воспринимать себя через конкретно взятого человека. Именно это и происходит в каждом из нас. Мы и личность, и Вселенная, и все другие личности одновременно.

Именно благодаря этому удивительному принципу единства возникает совершенно иной подход к познанию себя. Уже нет необходимости познавать себя исключительно как отдельную единицу (хотя это познание тоже происходит), но есть возможность познавать себя через мир вокруг и в соприкосновении с этим миром. Это как наблюдать за собой глядя в зеркало. Точно так же мы отражаемся во всем вокруг, во всем, с чем соприкасаемся.

Лично для меня подобная связь ярче всего проявляется при работе с растениями и землей. Когда сажаешь растения, то непосредственно соприкасаешься с тем, что даруешь чему-то жизнь. При этом происходит прямой и очень интенсивный обмен энергией. Ты вкладываешь энергию и силы в работу, но взамен получаешь еще больше. Фактически, нельзя ничего отдать Вселенной, потому что все, что мы имеем, уже принадлежит ей. Отдавая, мы, по сути, отдаем самим себе, как части Вселенной, — но получаем уже преумноженное. Из уже существующего мы своим трудом порождаем новое, и это преумножает нас же самих. Тот же принцип работает, когда ты любишь и даришь свою любовь: как бы много ты ни отдал, у тебя не становится меньше, а любви в мире прибывает. Это можно назвать «законом преумножения блага». Он справедлив относительно любого благого вершения, и нет ничего, что способно по-настоящему воспрепятствовать ему. Разрушение всегда вторично относительно созидания. Будь иначе, Бытие погибло бы, — а вернее, даже не зародилось бы.

Познание же себя происходит, прежде всего, именно через соприкосновение с миром через благое вершение. Воспринимая себе через каждую частичку мира, человек по-настоящему узнает, каков он. Через дурное же вершение он познает не себя, а то, чем он быть не должен. Это познание необходимо как потенциал, но фактическое вершение его приводит к обратному: познания не происходит, процесс останавливается до того момента, когда благо снова возьмет верх. Этот принцип позволяет дурному чахнуть внутри человека, но никогда не перейти за пределы его сущности. Так благое преумножается и переходит в мир, а дурное оседает осадком.

Преумножая же благо вокруг, человек познает и преумножает самого себя. Есть же вещи, которые невозможно понять иначе, чем через соприкосновение с этим. К такому, например, относится рождение женщиной ребенка. Это абсолютно уникальный опыт, который при правильном восприятии меняет женщину кардинальным образом. Она участвует в процессе развития новой разумной жизни, питая ее собой и получая в ответ не меньше. Этот опыт позволяет ей развиться самой в полноценную личность и познать ту часть себя, которая была нераскрыта до этого. Не имея же этого опыта она навсегда оставляет важную часть себя нераскрытой. К счастью, человек проживает ни одну жизнь, и не получив такого опыта в одной жизни, он с большой вероятностью получит его в другой.

Аналогичное же происходит при любви мужчины и женщины. И такая любовь, как и порождение новой жизни, необходима не только с точки зрения продолжения рода, но и с точки зрения познания себя. Есть нечто, что женщина может познать только любя мужчину. И есть нечто, что мужчина может познать только через любовь к женщине. Это сакральные процессы, которые необходимы для развития Духа. Именно поэтому мы рождаемся здесь, на Земле, и рождаемся людьми. Возможно, нам будет необходим и какой-то другой опыт, который мы получим, переродившись позже среди другой разумной расы.

Это сложные и очень интересные процессы, которые происходят повсеместно. Но, к сожалению, не все люди задумываются об этом. В жизни нет механических действий, и даже самое простое действие, такое, как принятие пищи, может восприниматься осознанно. Ведь пища нужна нам не только для восполнения энергии, но в это время часть материи проходит через нас и становится нашей частью, становится частью разума, который нужен для работы Духа. Даже в таком простом действии заложен огромный смысл. Каждый миг и каждое движение наполнено смыслом, и тянется к великой цели, к будущему.

Если человек живет согласно закону преумножения блага, и осознает это, то уже одним этим он делает огромный шаг вперед. Так происходит познание себя. Оно может быть сокрыто от посторонних глаз, и можно даже не знать, в какие вселенные человек углубляется через себя. Пассивный разум доступен любой частичке Вселенной, он содержится и в цветке, и в камне, и в мелкой букашке. Все это обладает полнотой знаний; человек же должен осознать это знание, прожить его, сделать его своей активной частью. Понимая это, радуешься всему, что видишь вокруг. Во всем, что тебя окружает, видишь себя, и себя видишь глазами всего, что тебя окружает. Так происходит уникальная работа и извне, и изнутри, всестороннее развитие и познание себя в мире.

У этого закона есть еще один важный аспект: это не удел избранных, это достояние каждого. Если во многих традициях необходимо быть в кругу посвященных и знать определенные практики, которые обещают привести к результатам, то в нашей традиции этого может достигнуть абсолютно каждый. Причем достижение этого не является чем-то особенным или сверхсложным — это нормальное состояние для каждого человека. Каждый в определенный срок придет к этому, потому что такими мы порождены Природой. Рыба рождена с хвостом и плавниками, чтобы плавать, птица — с крыльями, чтобы летать, человек — со способность осознавать, чтобы познать и умножить благо вокруг себя. Таков естественный закон. Идя против него, человек лишь удлиняет свой путь, но не изменяет его, потому что нельзя изменить то, что изначально заложено в нас Природой. В системе, где путь разрушения — тупиковый, нельзя никуда прийти, следуя такому пути. Разве что в тупик. И из тупика придется начинать путь заново.

Закон преумножения блага заложен в каждом из нас, и для него мы рождаемся людьми. Познание себя через мир и мира через себя будет достигнуто каждым человеком, но в разные сроки. Следование этому пути приносит человеку настоящее счастье, потому что это главное полное счастье, которое ему доступно и будет доступно в будущем. От познания меньшего мы идем к большему, и так же — от меньшего счастья к счастью большему. И нет лучшего, чем делиться этим.

© Амрадхари, 2017

РУБРИКА: **АНАТОМИЯ УЧЕНИЯ**

Пандэкт: отношение

Пандэкт является важнейшим письменным источником Учения, но не имеет статуса «священного писания». Прежде всего потому, что в Учении, которое не является религией, вообще не используется понятие «священный» как обозначение некоего сакрального статуса или свойства. Хотя пандэкт и имеет в своей основе то, что получено, так сказать, из высшего источника, и хотя он имеет свойства, которые многие назвали бы чудесными и о которых будет сказано ниже, всё это не имеет никакого отношения к сверхъестественному. Однако для того, чтобы книга пользовалась уважением, ей не обязательно считаться священной. Для последователей Учения пандэкт — источник подлинных знаний о мире и человеке. Мы называем его просто «пандэкт», и этим всё сказано. Впрочем, есть и другие варианты. Когда есть необходимость или желание особо подчеркнуть важность пандэкта как источника знаний или его статус как основополагающей книги Учения, его называют Истинными Писаниями, или же просто Писаниями.

Прочтение пандэкта желательно для каждого последователя, что вполне естественно. Ведь идущему нужно знать путь, которым он идёт. И здесь два важнейших источника знаний — общение с Учителем и чтение пандэкта. Это можно сравнить с учёбой в школе, ВУЗе или ином учебном заведении. Есть учебные пособия, по которым изучается предмет, и есть преподаватель, который

помогает работать с этими пособиями, параллельно излагает и поясняет содержащийся в них материал, дополняет его устно. В принципе, можно изучать предмет только общаясь с преподавателем. Но преподаватели бывают разные, — а хороший учебник, излагающий основы предмета, может быть универсален; и сами преподаватели тоже обучались по нему. Даже если преподаватель очень хорош, обращение к учебнику необходимо; это делает изучение предмета более основательным и глубоким. Пандэкт является таким учебным пособием по Учению. В нём можно найти изложение взглядов Учения на устройство мира и место в нём человека; философское рассмотрение различных вопросов; принципы, правила, пояснения, наставления, рекомендации; примеры следования Учению из жизни Учителей и простых последователей. Значение пандэкта как учебного пособия невозможно переоценить. К тому же, если ученик действительно хочет понять Учение, он и сам не станет ограничиваться только устными занятиями, и будет охотно читать пандэкт. Можно ли изучить Учение только по пандэкту? До определённой степени. Такое изучение не будет достаточно полным и ясным без комментариев Учителя, без разъяснения им трудных мест, без уточнений и дополнений, а порой и без изложения того же самого другими словами, что бывает нужно для лучшего понимания. В изучении Учения не следует ограничиваться только чтением пандэкта или только общением с Учителем, но нужно сочетать то и другое. За исключением, конечно, тех случаев, когда это почему-либо невозможно. Само по себе чтение пандэкта не вменяется в обязанность, но является очень важным и нужным элементом ученичества, равно как и показателем желания учиться. Тут всё просто: если ты стремишься к знаниям, то сам, без призывов и понуканий, будешь заглядывать в учебник. Лучше всего, когда чтение пандэкта является регулярным и даёт читающему постоянную умственную и духовную пищу.

Тексты, входящие в пандэкт, не эзотеричны; в них нет того, что шифрует их смысл, не позволяя непосвящённым понять его. Однако местами они непросты, — особенно для того, кто ещё только начинает познавать Учение. И при этом в них содержится гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Для ученика важно прочесть пандэкт целиком хотя бы один раз. Но при повторном прочтении открывается немало такого, что не было замечено или понято в первый раз. Ведь картина к тому моменту складывается в уме более полно, понимание Учения становится более глубоким, и на то, о чём ты читаешь, ты смотришь теперь под несколько иным углом зрения. Становятся доступными новые ракурсы, с которых видны новые детали, новые моменты и нюансы, что существенно углубляет понимание. Первое прочтение бывает более увлекательным, но второе — более

основательным и вдумчивым. Однако это не предел. Сколько бы раз не перечитывался пандэкт, в нём всегда можно будет найти что-то новое, помогающее лучше понять Учение. Таково свойство любого хорошего духовного писания: оно может глубоко изучаться, и при этом всегда оставаться источником новых и новых открытий. К пандэкту «Эрма» это относится в полной мере.

Что значит «изучаться»? Это не то же самое, что простое прочтение. Это значит основательно прорабатывать материал, углублять своё понимание, входить в детали и нюансы, анализировать, учиться работать с информацией, учиться правильно её интерпретировать и делать на её основании верные выводы. Конечно, каждый последователь не обязан быть глубоким знатоком пандэкта. Степень глубины изучения — по желанию. Опять же, как и в случае с другими духовными писаниями, относящимися к различным религиям и учениям: последователь должен быть знаком с ними и понимать их смысл, но не обязан быть в них экспертом. Он изучает их настолько, насколько хочет и может.

Хорошее знание пандэкта помогает ориентироваться в нём, находить нужную информацию, когда она нужна для справки или для того, чтобы что-то объяснить другому человеку. Оно очень полезно для цитирования и для того, чтобы просто дать ссылку на нужный фрагмент. Вообще, цитаты — это особая тема. В пандэкте содержится масса афористичных высказываний на самые разные темы. Когда он будет закончен, из этих высказываний можно будет создать хороший сборник (эта работа уже ведётся). Они могут играть роль эпиграфов или, например, девизов. Мой личный девиз тоже взят из пандэкта: «Завтрашний день увидит идущий в ночь» (Пять жемчужин I, 10). Цитаты и афоризмы могут использоваться ещё, например, в декоративных целях, — когда мудрое изречение, кроме своего смысла, может порадовать глаз также и художественным исполнением, украсив собою что-либо. Им можно найти самые разные применения; главное, чтобы это делалось с пользой и уважением к ним. Афоризмы из пандэкта уже превращаются в важный элемент культуры Учения, — особенно значимый на данном, первоначальном этапе её формирования.

Итак, для последователя Учения пандэкт имеет огромное значение как источник знаний. Для Учения же в целом он важен ещё и как образец, своего рода стандарт Истины. Он пишется пророком, в период, когда в этой работе принимает участие первоисточник Учения, — Эмере, Бог Мудрости. Тем самым пандэкт гарантирован от ошибок. И в дальнейшем по нему будет выверяться соответствие или несоответствие Истине различных теорий, гипотез, концепций и т.д. Кроме того, это будет тестом на подлинную принадлежность к Учению тех, кто хочет учить других. Если кто-то, скажем, позиционирует себя как Учителя, но при этом

его слова противоречат пандэкту, то он не настоящий Учитель, и доверять ему не следует. Пандэкт — база, основание, устой (эрма) Учения. Учителя будут сменяться, и я сам, как автор пандэкта, однажды умру, — а пандэкт останется. На протяжении сотен и тысяч лет он будет играть роль фундамента Учения, его стандарта, той меры, по которой будет определяться соответствие Учению чего бы то ни было. Трудно найти слова, чтобы выразить, насколько огромно его значение.

Теперь коснёмся вопроса о том, как последователь должен обращаться с пандэктом. По сути, это всего лишь книга (на самом деле — несколько книг, но не будем придираться к словам). Однако книга необычная. Это Писания, — пусть не священные, но очень важные. И обращаться с ними нужно уважительно, проявляя соответствующий пиетет. Ведь пандэкт — это часть Учения; можно сказать, что это сама Истина, воплощённая в книге. А Истина заслуживает того, чтобы обращаться с ней почтительно и аккуратно. По обращению с пандэктом может быть видно, насколько серьёзно и ответственно отношение последователя к самому Учению.

Какие же конкретные правила существуют в этом отношении? В принципе, они просты. Никаких особых действий, никаких церемоний, никаких проявлений преклонения не требуется. С ним нужно обращаться просто как с книгой, которую уважаешь, ценишь и бережёшь. Прежде всего, нужно быть аккуратным, не пачкать книгу (книги) пандэкта, не портить, по возможности беречь обложку и страницы, чтобы они не рвались. Не нужно делать пометок на обрезе, не нужно окрашивать и разрисовывать его. Не следует заламывать уголки страниц; для быстрого нахождения нужного места существуют закладки. Не следует ничего подчёркивать в тексте и делать пометок на полях страниц, — разве что это будет уж очень необходимо, как говорится, кровь из носа. Не следует небрежно хватать пандэкт, и уж тем более не следует небрежно его отбрасывать, швырять. Аккуратно, почтительно взял; аккуратно, почтительно положил. Он не должен валяться где попало и как попало, не должен служить подпоркой или подставкой для чего-либо. Не следует опираться на него локтями и т.п. По возможности, не нужно класть на него других предметов, — за исключением того случая, когда он оказывается книгой в стопе других книг. То есть, как и было сказано, в обращении с ним должен присутствовать определённый пиетет. А впрочем, что особенного в перечисленных правилах? Они подходят для обращения с любой книгой, — если читатель аккуратен и ценит её.

Всё это касается обращения с бумажной книгой. Но те же правила актуальны и для тех случаев, когда пандэкт или его часть, например, распечатан на принтере

или ксерокопирован, и представляет собой просто стопку листов. То же самое касается любой его части, даже одного листка с текстом из него, или одной цитаты, начертанной на чём-либо. Что касается цифровых носителей, то из-за их специфики для них всё это гораздо менее актуально.

Есть и ещё один момент, связанный с различием материальных и цифровых носителей. Речь идёт о свойствах, упомянутых в начале статьи. Пандэкт обладает особой энергетикой, благой и сильной. Она пока ещё не изучена досконально и её потенциал и возможности точно не определены, но уже выявлено, что она обладает защитным и отчасти лечебным действием. Это значит, что книга, содержащая тексты пандэкта, или просто листок бумаги с фрагментом текста, или даже один логион, начертанный на чём-либо, работает как защитный амулет, неплохо защищающий от сглаза, порчи, разного рода энергетических ударов и паразитов. В ряде случаев такой предмет может оказать и лечебную помощь. Ни о чём сверхъестественном или чудесном тут речи не идёт, поскольку сверхъестественных явлений и чудес не бывает. Всё это — силы Природы. Пандэкт несёт в себе Истину и благо, и потому его энергетика такова. Однако когда дело касается цифровых носителей, эта энергетика не проявляется. Во всяком случае, пока что она не зафиксирована. Проще говоря, лист бумаги с напечатанным на нём фрагментом пандэкта работает на защиту и лечение, а DVD-диск или, например, планшет, — нет. Почему? Это ещё предстоит выяснить.

Пандэкт — важнейший источник Учения, одна из его основ, стандарт и мера соответствия Истине. Его авторитет как источника выше авторитета любого Учителя; с ним сравним лишь авторитет пророка. Но даже пророк не имеет права ничего изменять в пандэкте и не может учить тому, что противоречит пандэкту. Далее, пандэкт является также частью культуры Учения, и даже более того, — одним из образующих её факторов. Для последователя пандэкт — книга, дающая принципиально важные знания, самый главный учебник по Учению, сокровищница, из которой можно черпать всё новые и новые богатства. Вдобавок ко всему, он обладает полезными энергетическими свойствами. Для каждого последователя Учения необходимо понимать всё это и относиться к пандэкту соответственно, уважать, ценить и беречь его. Да и может ли быть иначе, если в твоих руках частица самого Учения, можно сказать — его душа? Может ли быть иначе, если ты касаешься воплощённого слова Истины?

© Атархат, 2017

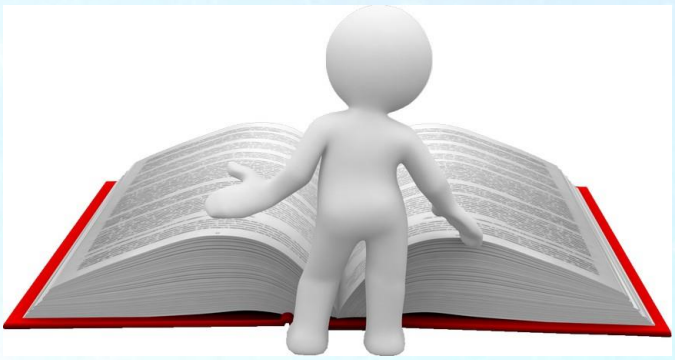
РУБРИКА: **АНАТОМИЯ УЧЕНИЯ**

Несколько слов о терминологии

Можно сказать, что терминология Учения, в определённом смысле, является его слабым местом. На то есть свои причины.

Начало откровения стало неожиданностью для меня самого. Естественно, никакой предварительной работы не велось, круг понятий не определялся, терминология не разрабатывалась. И когда внезапно — можно сказать и так — потребовалось как-то обозначить актуальные понятия, то оказалось, что терминов не хватает, и пришлось воспользоваться тем, что было под рукой. В итоге возникли три основные категории терминов.

К первой можно отнести то, что позаимствовано из религии и оккультизма. Например, такие изначально религиозные понятия, как «боги», «откровение», «пророк», «Творец», «ад», «перерождение». Боги Учения — не боги в привычном смысле этого слова, не сверхъестественные существа, а энергетическая составляющая законов Природы. То есть вполне естественное явление; можно сказать, пока ещё неизвестная науке форма энергетической жизни, обладающая специфической формой сознания. Но для этой формы жизни ещё никем не придумано названия. Самым близким по смыслу оказывается понятие «боги», — тем более, что во времена прежних откровений их в Учении обычно так и называли. То же и с откровением. Как назвать обращение кого-то из богов к человеку, если не откровением? Ведь термина для обозначения обращения к человеку энергетического существа, олицетворяющего закон Природы, не существует. А как называть того, кто принимает откровение? Пророком, по той же цепочке аналогий. Позднее звучали предложения просто придумать слова для обозначения всего этого, — то есть взять произвольные наборы букв и ввести их в русский язык в качестве терминов. Однако такой выход из положения представляется неприемлемым. Далее — Творец. Он тоже не является сверхъестественным существом, и сотворение им Вселенной из самого себя было не сверхъестественным актом, а эволюционной необходимостью. Однако имени этого существа мы не знаем; и коль скоро он создал Вселенную, то мы и называем его Творцом. Это стало в Учении и определением (творец, потому что сотворил Мироздание), и именем собственным (поэтому пишется с большой

буквы). В надиктованных текстах Творец упоминается ещё под целым рядом имён: Великий; Великий, Идущий По Пути; Великая Сущность; Четырёхрукий; Акуррам. Но в обиходе Учения они, как правило, не используются. По аналогии с религиозным адом назван и личный ад, как место посмертных страданий, — только не вечных, а временных, и не общее место, а, так сказать, персональное. Недавно для него было предложено альтернативное название — энергетический катарсис. Ближе всего к своему общеизвестному значению оказывается в Учении религиозный термин «перерождение» (реинкарнация, метемпсихоз, переселение душ). У нас он тоже обозначает рождение личности в новом материальном теле. Конечно, нельзя не упомянуть и слово «храм» в полном названии — Учение Единого Храма. Это понятие у нас также имеет не религиозный смысл: под храмом в данном случае подразумевается Природа, а сам термин здесь призван подчеркнуть глубокое уважение и благоговейное отношение к ней.

Из-за использования Учением этих терминов нередко происходит недоразумение, когда при очень беглом и поверхностном знакомстве Учение принимают за религию. В ряде посвящённых ему статей и других материалов разъясняется, что это не так, — но, к сожалению, далеко не все дают себе труд вникнуть даже в такие важные моменты.

Как альтернатива термину «боги» в Учении используется термин «высшие элементалы», образованный от оккультного «элементали». А один из видов энергетических паразитов в Учении носит наименование «ларвы», образованное от оккультного «лярвы». Эта оккультная прослойка, увы, тоже вносит свою толику неупорядоченности в нашу терминологию.

Ряд понятий получил у нас наименования, отличные от тех, какие имеют внешне сходные понятия в религии или оккультизме: стражи (в религии — ангелы-хранители), мир энергии (в оккультизме — астрал), скрижали (в оккультизме и околооккультизме — энергоинформационные поля, астральные клише, хроники Акаши), и т.д.

Ко второй категории я отнесу термины, имеющие одинаковый вид, но различающиеся по смыслу. Как правило, они парные; и для того, чтобы различать их значение в написании, одно слово из пары пишется в заглавной буквы. Например, бытие (существование чего-либо) и Бытие (великая беспредельность, частицами которой является всё существующее, включая нашу Вселенную); творец (человек, создавший что-либо) и Творец (см. выше); истина (истинный, подлинный факт о чём-либо, частный случай) и Истина (подлинная информация обо всём, сама реальность в масштабах Вселенной или Бытия); природа (в отношении чего-то, частный случай, — например, природа Земли или природа

человека) и Природа (как живая система всего Мироздания, совокупность его законов и факторов), и т.д. Имеется ещё целый ряд терминов, из тех же соображений пишущихся с заглавной буквы, — например, Вселенная, Мироздание, Благо, Мудрость, Жизнь. Поэтому открыв какой-либо текст или статью, рассказывающую об Учении, порой можно увидеть слова, написанные с большой буквы. Это производит не самое благоприятное впечатление, поскольку характерно для различной псевдодуховной писанины, в которой смысл и конкретика подменяются общими высокопарными рассуждениями, состоящими из «воды», — а чтобы всё это выглядело высокодуховно, каждое второе слово пишется с большой буквы, дабы подчеркнуть особое значение предметов разговора, и особый пиетет по отношению к ним. В нашем же случае написание некоторых слов с большой буквы играет, так сказать, чисто техническую роль: оно необходимо именно для смыслового различения, а не для подчёркивания величия того, о чём идёт речь. Если бы для всех этих понятий имелись отдельные термины, в таких ухищрениях не было бы необходимости.

Добавлю, что то же самое касается и названия Учения. Когда мы пишем о нём, то обычно пишем просто «Учение», с заглавной буквы. Это делается, опять же, не для того, чтобы подчеркнуть некое величие или свой пиетет. Это сокращение, первое слово названия, что делается в целях удобства и краткости, — отсюда и заглавная буква. Когда же речь идёт об Учении просто как о системе взглядов в принципе, тогда и слово это пишется со строчной буквы.

Третья основная категория относится к рубрикации пандэкта. Началось всё с того, что Эмере сам дал название одному из надиктованных им текстов, — «Эосфор». Оно взято из древнегреческого. Исходя из этого, было решено дать древнегреческие названия тем текстам пандэкта, которые изначально названий не имели. А затем из того же языка были позаимствованы термины, ставшие названиями частей, на которые разделяются книги пандэкта (синтагма, митэвма, энон, логион), сам термин «пандэкт», и такие термины, как «сэлис» и «кимелион». Также с тех пор традиционно из древнегреческого берутся названия для самих книг пандэкта.

В отношении этого всё выглядит уже получше: имеется оригинальная (по отношению к русскому языку) терминология, и даже связанные с ней традиции. Но это лишь часть нашей терминологии. Вкупе со всем прочим, о чём шла речь выше, всё равно возникает впечатление некой пестроты и неупорядоченности. К сожалению, так оно и есть. Поэтому сложившуюся в Учении на сегодняшний день ситуацию с терминологией следует признать неудовлетворительной.

Что тут можно предпринять? Выдумывание новых слов и «интеграция» их в

русский язык — не решение. В целях унификации, как вариант, можно было бы попробовать всю терминологию перевести на древнегреческий, подобрав более или менее близкие по смыслу слова. Но тогда мы получим некоего языкового кентавра, смешанный русско-древнегреческий диалект, что будет выглядеть также далеко не лучшим образом. К тому же, среди нас нет столь большого знатока древнегреческого, который мог бы заняться проработкой смысловых нюансов. Была мысль использовать какой-либо из искусственных языков, сделав его межнациональным языком Учения (по примеру эсперанто у бахаи), и уже в этом языке разработать терминологию. Однако изучение данного варианта показало, что ни один из доступных искусственных языков не обладает возможностями для осуществления этого в полной мере. Может быть, выходом стала бы разработка нового искусственного языка, в котором были бы учтены особенности Учения и выработаны методы их языкового отражения? Сам по себе такой язык, безусловно, нужен. Но при использовании его терминологии в русской речи — что окажется неизбежно — возникнет такой же диалект-кентавр, как и в случае с древнегреческим. И так было бы в случае с любым искусственным языком.

Так что вопрос об упорядочении терминологии Учения остаётся открытым. А пока будем пользоваться тем, что есть.

© Атархат, 2017

И вечный бой

И вечный бой! Покой нам только снится.
А. Блок

Учение не по душе многим, и по самым разным причинам. Я уже перечислял основные из них в паре статей, опубликованных на страницах журнала, и думаю, что ещё не раз вернусь к этому. Сейчас же хочу коснуться одного из моментов, не упомянутых тогда, но, тем не менее, очень любопытных и заслуживающих отдельного рассмотрения.

Есть люди, ставящие в упрёк Учению то, что оно призывает к борьбе со всем отрицательным, разрушающим человеческую личность и общество, к борьбе со злом вообще. Особо подчеркну: в данном случае речь идёт не об осуждении борьбы с чем-то конкретным, с какими-то определёнными явлениями или людьми. Насчёт этого можно было бы спорить, — считать ли злом то или иное явление, творит ли зло тот или иной человек. Нет: осуждается сама идея борьбы как

таковая. И формулируется это следующим образом: «Подлинно духовное учение не будет призывать к борьбе, поскольку борьба не есть благо». И уточняется, что имеется в виду любая борьба, борьба вообще, как явление.

На основании последнего я предполагаю, что люди, делающие подобные заявления, находятся в плену штампов мышления, ставящих знак равенства между борьбой и насилием. Великий миролюбец Махатма Ганди, призывавший к борьбе и сопротивлению ненасильственными методами, на фоне этих непротивленцев выглядит прямо-таки агрессивным чудовищем. Ведь он призывал свой народ сопротивляться, призывал бороться за свою страну! Ну а те, о ком я говорю, словно бы запуганы до крайней степени: они так боятся осквернить насилием, что стали противниками любой борьбы вообще. Стали противниками. Противоречие налицо, не так ли? Ведь осуждая идею борьбы, высказываясь в этом ключе и критикуя оппонентов, они сами вступают в борьбу, — в борьбу с точкой зрения, которую считают неправильной и вредной. Само то, что они высказываются по данному вопросу, уже является актом противостояния, актом борьбы. Что это — лицемерие, взявшее на вооружение двойные стандарты, или банальное неумение мыслить, неспособность увидеть противоречие в собственных принципах? Я склоняюсь к мнению, что чаще второе. И ещё одно примечательное обстоятельство. Такими противниками борьбы всегда оказываются люди, так сказать, свободных духовных взглядов, — проще говоря, те, кто не придерживается никакого конкретного мировоззрения, а просто сваливают в одну кучу всё подряд, без разбора. Они традиционно примешивают к своей смеси и христианство, при этом демонстрируя особый пиетет к Иисусу, обычно позиционируя его как идеал человека (что, впрочем, не мешает им выворачивать его учение наизнанку, давая ему собственную интерпретацию). Но ведь в христианстве, при всём его программном миролюбии, идея борьбы занимает важное место. На частном уровне — как минимум, борьбы с искушениями, своего рода личного сражения с Сатаной (сам Иисус выдержал такой поединок); на более широком уровне — противостояние происками Сатаны в обществе, в мире. Есть такое христианское понятие, как «божье воинство», и в рамках христианства имеется учение о последней битве, которая состоится между ратями Бога и Сатаны. Как же быть с этим? А об этом наши критики борьбы стыдливо умалчивают. Им просто невыгодно помнить об этом.

Так в самом ли деле идея борьбы ужасна сама по себе? В самом ли деле духовное учение, направленное на вершение блага, не может призывать к борьбе? На оба эти вопроса можно дать отрицательный ответ.

Невозможно жить не борясь. Борьба пропитывает собой всё существование человека, — и человека вообще, и отдельного человека, отдельной личности, — присутствуя в самых разнообразных формах и проявлениях. В каких? Им поистине нет числа. Например, борьба с собственными пороками и недостатками. Или ещё

проще: иногда даже обычная необходимость вставать, когда ещё очень хочется спать, требует короткой, но трудной борьбы с самим собой. Борьба за знания, когда учишься, — и это может, в свою очередь, принимать разные формы: борьба с собственной ленью, со сторонними препятствиями, с недостатком информации и т.д. Борьба карьерная, когда работаешь и хочешь продвинуться по служебной лестнице. Сама профессия часто подразумевает борьбу, — например, борьба с преступностью для работника правоохранительных органов, сражение для солдата, соперничество для спортсмена, политическая борьба для политика, конкурентная борьба для бизнесмена и т.п. А борьба за качество для рабочего, борьба за урожай для земледельца, борьба учёного за возможность сделать открытие, борьба врача за здоровье и жизни людей, борьба священнослужителя за души паствы? Список велик. Но возвращаясь к более бытовому уровню, — борьба за благополучие семьи, воспитательная борьба за то, чтобы дети выросли приличными людьми, борьба с различными жизненными сложностями, болезнями, вредными привычками... Далее — борьба с разнообразным социальным злом, как-то: нуждой, потребительским эгоизмом, засильем лжи, безнравственностью, бескультурьем, коррупцией, угнетением, экстремизмом, расизмом, и прочее, и прочее. Такая борьба — моральная обязанность каждого человека. Порой борьба с самой системой, если это какая-нибудь диктатура, агрессивная хунта или иной преступный режим. Борьба с агрессором, если идёт война. В более глобальном масштабе — борьба за мир на международном уровне, за взаимоуважение и сотрудничество народов, борьба против хищнической эксплуатации природных ресурсов, вообще борьба за сохранение природы, за здоровье и жизнь самого нашего мира. Список можно продолжать и продолжать; я лишь пробежался по нему. К тому же, не упомянул различных отрицательных форм борьбы, коих тоже множество, — например, борьба преступных группировок за преобладание, борьба за подчинение одного народа другим, да хоть простая бытовая вражда с вредными соседями. Всего не перечтёшь.

Под каким углом ни посмотри, а человеческая жизнь по самой своей сути есть борьба. Мы рождаемся на свет для того, чтобы бороться. Поэтому Учение говорит, что каждый человек — воин. Он так устроен. И за ним остаётся выбор, бороться за хорошее или за плохое, во имя добра или во имя зла. борясь, он становится сильнее. Моральная же борьба и вовсе является двигателем нравственного и духовного развития человека. Он познаёт мир, чтобы понять, что является благом, а что злом, и учится делать правильный моральный выбор между ними. Учится противостоять дурному в себе и в мире, учится трудиться ради блага. Если он не учится этому, его жизнь превращается в поток грязи; если никто не будет учиться этому, мир превратится в самый настоящий ад. Поэтому каждый человек должен сознавать, что жизнь — борьба, а сам он — воин, и должен уметь быть воином блага. Именно этому и учит Учение.

РУБРИКА: **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИЯ**

В сознании многих людей понятие «воин» ассоциативно связано с понятиями «война», «агрессия», «насилие», «убийство». Поэтому их пугает утверждение, что каждый человек является воином. Им немедленно представляется тотальная резня, боль, смерть, реки крови. И напрасно. «Быть воином» и «быть агрессивным» — не обязательно одно и то же. Это с полной ясностью следует из приведённого мною выше перечня разновидностей борьбы. Тут имеет место предубеждение по отношению к самому понятию, порождённое глубоко засевшими историческо-культурными ассоциациями и заштампованностью мышления. А предубеждение, любое предубеждение, ведёт к негативному результату. Так происходит и в данном конкретном случае. Видя в идее борьбы нечто непременно агрессивное, её противники начинают испытывать агрессию по отношению к её сторонникам. Так ожидание враждебности вызывает враждебность, — так сказать, авансом. А враждебность застит глаза и затуманивает разум. И тут уж, конечно, становится не до того, чтобы замечать противоречия между своими принципами и действиями.

И ещё одно замечание, — так, просто к слову. Мне прямо говорили, что борьба даже с явным злом — это плохо, это портит человека, и потому бороться не следует. Однажды, в очередной раз услышав заявление в таком роде, я подумал: а кому это выгодно? Кому выгодно убеждать людей, что сопротивляться злу не нужно? Убеждать, выдавая эту концепцию за вершину блага, и попутно внушая, что те, кто сопротивляется злу, — агрессивные личности? Всё это, как минимум, наводит на определённые размышления.

Подведу итог. Борьба — неотъемлемая часть человеческой жизни. Сама жизнь — вечный бой, на том или ином фронте; а чаще всего — сразу на нескольких. Отрицать это — значит противоречить очевидности, отвергать здравый смысл. И если борьба неизбежна и так важна, то подлинно духовное учение не может этого замалчивать, обходя стороной. Оно должно учить своих последователей бороться, и бороться на правильной стороне. Вы найдёте это, в той или иной форме, в какой угодно религии или учении. Ну а концепция (если, конечно, её можно так назвать) полного отказа от любой борьбы — очередное болезненное порождение современного морального и духовного кризиса, очередной истеричный, безоглядный перегиб, наряду со многими другими. И сколько ещё таких перегибов, более или менее абсурдных, мы увидим в дальнейшем? Думаю, что много. Рассудок, сошедший с рельсов здравого смысла, способен на самые причудливые выкрутасы. И хотя приятного в такой перспективе мало, понаблюдать всё-таки будет интересно. Во всяком случае, мне.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИЯ**

Преступление против души

В наше научно ориентированное время остаётся всё меньше места для поверий, суеверий и тому подобной мистики низшего уровня. Всё это ещё имеет место, но уже в гораздо менее значительных масштабах, чем когда-то; и притом теряется его смысл. Ведь даже у суеверия смысл имеется, — то есть можно объяснить, чем обусловлено то или иное суеверное действие. То же самое справедливо относительно поверий, примет, народных обрядов и т.п. Теперь если что-то такое и происходит, то, как правило, уже без понимания смысла, а просто в силу привычки, традиции, или некоего смутного ощущения, что «где-то что-то есть». А иногда бывает очевидно, что что-то и правда есть, — потому что некоторые приёмы действительно работают. Например, заговоры. Кое-где ещё до сих пор живут старые бабушки, владеющие методами снятия сглаза, испуга, каких-то недомоганий, методами приворота и отворота. В том, что их методы действуют, нередко можно убедиться воочию. Но это уже реликты, остатки, так сказать, былого великолепия, когда подобная народная магия процветала и встречалась повсеместно. Тем не менее, известно, что свято место пусто не бывает. Если подобные методы работают, то на это будет спрос, — а значит, найдутся и те, кто станет его удовлетворять, превратив всё это в откровенный бизнес.

Так и происходит. На смену скромным деревенским бабушкам-шептухам пришли те, кто называет себя наследниками древнего знахарского искусства. Если

попытаться набросать некий обобщённый образ, то получится примерно следующее. Как правило, это женщина, дама неопределённого возраста и экстравагантного вида, по имени мадам Виолетта или, например, ведунья Евдоксия, у которой, само собой, весь род до восемнадцатого колена состоял из таких же ведуний, живущая в городе, оплачивающая рекламу своих недешёвых услуг, а при самом успешном для неё раскладе бойко ведунствующая прямо с телеэкрана, в прямом эфире, поражая воображение наивного зрителя хрустальными шарами, амулетами, перстнями и прочими декорациями. Это теперь стало чем-то вроде новой отрасли промышленности. Хотя об их деятельности в целом мы, может быть, поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас нас интересует только одна оказываемая ими услуга, по популярности стоящая, наверное, на третьем месте после снятия порчи и сглаза и ворожбы на счастье и удачу. Я говорю о привороте.

Даже в такое научно ориентированное время, когда каждому движению человеческой души пытаются дать психологическое или химическое объяснение, находится немало тех, кто в сердечных делах готов положиться на колдовские приёмы. Почему? Потому что когда тонешь, то хватаешься и за соломинку. Если ничто другое не помогает, то отправишься за помощью и к колдунье. А их хватает, всех этих колдуний и ведуний. И спрос на подобные услуги им отлично известен. Поэтому в газетах или в Интернете можно увидеть откровенную рекламу типа «Приворожу любимого (любимую). Быстро, надёжно».

Всё это можно наблюдать на христианском пространстве, — несмотря на то, что с точки зрения Церкви подобные вещи являются большим грехом. И прибегают к приворотам, в основном, христиане. Потому что кого волнует мнение Церкви, если нужно решить свои проблемы? И я соврал бы, если бы сказал, что дело обстоит так только сейчас. Нет, так было и раньше. Что же до колдуний, то часть их хотя бы относит себя к язычеству, тем самым снимая вопрос о совместимости того, что они делают, с христианской верой. Но многие, наоборот, акцентируют свою принадлежность к христианству, в своей ворожбе используют псевдомолитвенные обращения к святым, а в ритуалах — религиозную атрибутику. Это касается не только приворотов, но и снятия порчи, лечения и т.д. То, что одни предлагают услуги, противоречащие их вере, а другие пользуются услугами, противоречащими их вере, заслуживает характеристик, самой мягкой из которых будет — безобразие. С этой стороны действия как первых, так и вторых выглядят как эгоизм и алчность, помноженные на лицемерие. Это уже само по себе некрасиво. Но это только часть безобразия. Ведь если зайти с другой стороны, то можно обнаружить не менее неприглядные ракурсы картины.

Далеко ходить не надо. Достаточно взглянуть на дело с точки зрения здравого смысла и морали.

Человек имеет право на жизнь. Он имеет право есть, пить, дышать. А имеет ли он право любить? История знает немало примеров, когда люди боролись за право на любовь. Хотя любовь — загадка. Откуда она берётся, как возникает? Может ли человек выбирать, кого ему любить? Или любовь возникает по каким-то законам Природы, когда всё зависит не от его выбора, а от стечения неведомых ему факторов? Ну, по религии проще: любовь посылает Бог. Такой вот разброс версий. Но обнаруживается, что, как ни странно, различия между тремя озвученными вариантами в свете нашей темы не принципиальны. Потому что с точки зрения любого из них приворот — зло.

Рассмотрим поближе каждый из них. И начнём с конца, — раз уж выше была затронута религиозная точка зрения. Тут всё просто: если любовь посылает Бог, — иногда как испытание, иногда как награду, — то кто имеет право переписывать его планы? Если эти верующие ведуны и их верующие клиенты полагают, что они лучше Бога знают, кому кого любить, или считают, что их желания важнее его воли, то какие же они христиане? Такие же, как я — японский император. Они те, кто ради своих страстей лицемерно и цинично совершают двойной грех: прибегают к колдовству (можно не смягчать, называя его «ведовством» и «знахарством») и идут против замысла Бога. Всё настолько очевидно, что дальнейших комментариев не требуется.

Вариант второй: Природа. В принципе, он похож на первый, — с поправкой на то, что Бога в данном случае заменяет другая высшая сила. Да, Природа — высшая сила, хотя и не в религиозном смысле. Миллиарды лет эволюции, формирование Природой себя как грандиозной и сложнейшей системы, обеспечивающей жизнь всего сущего, создание тончайших взаимосвязей и взаимодействий между элементами этой системы, — это ли не действие высшей силы? Как и Богу, Природе должно быть виднее, как и для чего возникает любовь. Как бы она ни возникала, это часть естественного порядка вещей, и именно поэтому она вписывается в общую глобальную систему, гармонично сочетается с другими её элементами и действует во всеобщее благо. Если сравнить Природу с симфонией, то любовь в ней — очень важная нота. Меняя эту ноту по своему произволу, без понятия о том, почему она именно такова, человек ломает мелодию. А так как это, в том числе, мелодия человеческой жизни, то калечится и жизнь. Жизнь того, на кого наводится приворот, и тех, кто с ним связан. Это попытка сломать естественные законы, в угоду своим страстям внести фальшь в симфонию Природы.

А что, если тут всё зависит не от Бога, не от Природы, а от самого человека? Что, если он сам хозяин своей любви? В этом случае приворот так же недопустим. Ведь если человек имеет право на жизнь, на свободу воли, если он имеет право выбирать свой путь и свою судьбу, то он также имеет право и на выбор, кого ему любить (внимание: не путать любовь с извращениями, возникающими в результате психических отклонений!). Любовь — огромная и важная часть человеческой жизни. Это фактор, зачастую определяющий весь ход жизни вообще, всю биографию, со всеми её радостями и печалями, борениями и страданиями, падениями и подвигами. Это фактор, который порой приводит к сознательному выбору между жизнью и смертью. Если человек сам выбирает свою любовь, то он тем самым формирует свою жизнь и судьбу. И чем тогда является попытка лишить его этого права, перекроить всё по чужому произволу? Это одно из худших преступлений. Преступление против самой души: лишение её права на любовь. Это как вырвать человеку глаза, видящие реальность, и вставить искусственные, заставляющие его видеть то, что угодно кому-то другому. Чудовищное насилие над личностью, над её психикой и свободой воли, — насилие большее, чем незаконное лишение свободы или причинение физических увечий. Интересно: те, кто предлагает услуги приворота, и те, кто ими пользуется, хотя бы иногда задумываются над тем, что они делают? Если нет, то они слепцы, причём опасные в своей слепоте. Если же они всё понимают, но продолжают это делать, то они просто негодяи.

Я не буду здесь пытаться разобрать механику действия приворота, — тем более что она, вероятнее всего, никому не ясна окончательно. Что именно происходит в результате приворотных манипуляций, какие связи изменяются и как, что в этот момент переключается в психике привораживаемого? Загадочный процесс. Известно лишь, что посредством определённых действий можно добиться определённого эффекта. Больше всего это похоже на программирование: жертва (да, именно жертва, иначе не назовёшь) подвергается агрессивному вмешательству, ей навязываются чуждые психологические реакции. Это ведёт к травматическим изменениям в психике, к созданию болезненной, мучительной привязанности к человеку, привязке к которому психика сопротивляется. Жертва нередко сознаёт ненормальность своего влечения, страдает от этого, — но поделать ничего не может. Именно влечения, — ведь это не настоящая любовь, а нечто вроде наркотической зависимости, завязанной на объекте влечения. И остаётся только поражаться тем, кто заказывает привороты. Неужели их в самом деле устраивает, когда их любят по принуждению, да ещё поддельной любовью? И сами они вряд ли любят. Кто любит

по-настоящему, тот не станет лишать любимого человека свободы, не станет творить такое насилие над его душой и калечить его психику. Я думаю, что у их чувства мало общего с любовью: скорее, это болезненно-агрессивная страсть, разрушающая человека изнутри.

С какой стороны ни посмотри, приворот — это насилие, преступное деяние. Преступление против души. Удивительно, что люди мало задумываются об этом. Если человека насильно приковать цепью к крюку в стене — это признают противоправным деянием; а если насильно приковать душу — не признают. Мне возразят, что закон просто не считает такое насилие реально возможным. Да, но тогда предложение подобной услуги за деньги — очевидное мошенничество, за которое нужно наказывать. Почему же такой промысел разрешают? Тут ведь одно из двух: либо насилие (со стороны обоих — и заказчика, и исполнителя, которые по факту являются соучастниками), либо мошенничество (со стороны исполнителя). И даже если приворот делается не за деньги, или вообще кустарно, своими силами, и если принять за факт, что в действительности он невозможен, — всё равно это грязное, аморальное дело, заслуживающее порицания. Ну а общественное мнение порой возмущается по поводу того, что приворот идёт вразрез с религией, и совершенно не волнуется по поводу того, что он совершает насилие над человеческой душой. Как же так?

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, МИР**

Без банального заголовка

Когда пытаешься придумать заголовок к статье по поводу событий 11 сентября 2001 года, в голову лезут банальности типа «День, изменивший мир». Тогда, по горячим следам произошедшего, это был бы хороший, яркий заголовок. Но теперь, когда те события пережиты всеми уже сто раз, а все громкие слова пережёваны уже тысячу раз, он выглядел бы неинтересно и высокопарно. Поэтому я решил обойтись без банальностей, пишущихся жирными буквами.

Хотя сути дела это не меняет. После 9/11 мир действительно изменился. Потому что изменились люди. Они стали сильнее бояться. Терроризм был и до того. Были взрывы домов, захваты заложников и т.д. Но такого страха не было. Словно до того каждый думал, что всё это касается кого-то другого, и боялся за других, и сочувствовал другим. А 9/11 этот каждый почувствовал, что оружие направлено именно на него. И ему стало страшно уже не по-настоящему.

Можно спорить по поводу того, достигли ли террористы своих политических целей, и какими, вообще, были эти цели. Но тот факт, что они посеяли в обществе

страх, недоверие и сумбур, не подлежит сомнению. Теперь всем везде видится терроризм. Пачка сигарет, забытая кем-то на прилавке магазина, может вызвать панику. Всевозможные протоколы безопасности, введённые или усиленные в различных присутственных местах, с одной стороны, осложняют гражданам жизнь и раздражают их, а с другой стороны, нагоняют ещё больше жути. Международное положение дополнительно осложнилось, так как разные государства и нации ставят те теракты в вину друг другу. Да и не только международное. В самих пострадавших США было возбуждено сомнение и недоверие, — ведь некоторые уверены, что никакой атаки террористов не было, и что события 9/11 есть ни что иное, как провокация государственных спецслужб, проведённая по приказу правительства. Ну а о новом витке религиозной вражды и говорить нечего. Во всём мире резко возросло недоверие и враждебность христиан по отношению к мусульманам и наоборот, — и каждое проявление его вызывает аналогичную ответную реакцию другой стороны. И даже внутри ислама обострились противоречия. Одним словом, всё очень осложнилось. Кто бы ни был виновником трагедии 11 сентября, но если он

хотел именно этого, то есть общей дестабилизации обстановки в мире, то он своего добился.

Прошло уже довольно много лет, психологическая рана, нанесённая обществу, поджила, — но она не зажила окончательно. И неизвестно, когда заживёт. Конечно, когда-нибудь это произойдёт. Только вот надо ли? Я не хочу сказать, что состояние постоянного страха и недоверия — это хорошо. Однако помнить об опасности нужно. Помнить не для того, чтобы коситься на всех подряд с опасливым подозрением, а для того, чтобы иметь стимул к совместной борьбе с терроризмом. Совместной — значит объединёнными усилиями всех государств, различных международных правоохранительных структур. Это именно то, что можно противопоставить терроризму. Он разъединяет, заставляя бояться друг друга, — и поэтому нужно объединяться против него, откладывая в сторону межгосударственные, национальные и религиозные разногласия. Тем более, что в одиночку никакое государство, даже очень сильное, не искоренит международного терроризма. Действия в этом направлении, даже успешные, будут ещё сильнее подогревать напряжённость.

Почему я не встаю в позу проповедника всеобщего примирения и не призываю, чтобы все немедленно возлюбили всех, — тогда, мол, и терроризма не будет? Да потому, что в настоящий момент это — утопия, воздушный замок. Уважение и любовь друг к другу, а особенно к тем, кто чем-то от тебя отличается, не возникают по щелчку пальцев; они воспитываются, долго и трудно, и даже не годами, а десятилетиями, если речь идёт о разных нациях и религиях. Этому нужно учиться. А чтобы получилось, нужно хотеть научиться. То есть поначалу в людях нужно воспитать именно такое желание. Потому что они не то чтобы не могут этому научиться, а не хотят. Обычно так и бывает. Чтобы прекратить вражду, нужно этого захотеть. Но тех, кто хочет этого, хочет по-настоящему, всегда не хватает.

Ну а пока что нужно бороться с терроризмом силовыми методами. Уже слышу, как записные демагоги возражают, приводя довод «Насилие порождает насилие». Я скажу — не во всех ситуациях это бывает так. Иногда бывает наоборот. Если не пресекать террор, он будет лавинообразно нарастать и будет становиться всё более привычным методом настояния на своём. Учение не одобряет насилие, считая его злом в любом случае; но оно признаёт, что порой насилие бывает необходимо. А именно — тогда, когда, по нашей формулировке, дело идёт о защите правого и невинного. В качестве наиболее наглядных конкретных примеров мы приводим оборонительную войну (по-настоящему оборонительную, а не такую, когда агрессия против одного государства лицемерно обосновывается

интересами безопасности другого государства), а также борьбу с терроризмом. В обоих этих случаях насилие оказывается потребным как средство сдерживания ещё большего насилия. Конечно, эта концепция нуждается в более подробном разъяснении, — но не здесь. Пока что я скажу просто: мирные граждане нуждаются в защите от преступников и террористов, — и ради их защиты нужно вести войну с терроризмом.

Теракты происходят до сих пор, — хотя столь масштабных, как события 9/11, больше не бывало. Возможно, это объясняется тем, что принимаемые меры предосторожности оправдывают себя, оказываясь эффективными. А может, есть иные причины. Однако прогресс не стоит на месте, — и это значит, что современные террористы получают в своё распоряжение всё более совершенные технические средства и всё новые возможности. Остаётся только гадать, какой сюрприз они могут преподнести миру в любой момент. Поэтому силовой борьбы с терроризмом недостаточно. Эта вынужденная война, война сдерживания, может длиться бесконечно, с переменным успехом. Главным же средством исправления ситуации должно стать изменение людей к лучшему, перевоспитание общества. Ключевым моментом является осознание единства человечества и движение в сторону слияния государств и наций в одно целое. Исторические процессы естественным образом ведут к такому слиянию, — и нужно помогать им в этом, сознательно и целеустремлённо. С религиями дело обстоит посложнее. Но и здесь можно придти к единству, — только нужно преодолеть слепой и бездумный фанатизм. Я веду речь не о некоем искусственном объединении всех религий в одну, — это, опять же, утопия, — а о том, что нужно опираться на здравый смысл и ориентироваться не на веру в древние мифы и предания, а на вырисовывающуюся всё яснее научную картину мира. Веру необходимо выверять знанием, — и тогда сформируется единая, общая для всех, непротиворечивая картина мира.

Короче говоря, для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему, нужно измениться самим. Чтобы излечиться, нужно лечить саму болезнь, а не симптомы. Или можно ещё сказать так: если всё время латать ветхую ткань, она однажды всё равно рассыплется. Нужно соткать новую ткань. Нужно создать новое общество, пересмотрев многие принципы существования общества нынешнего. Иначе мы постоянно будем жить накануне 11 сентября.

© Атархат, 2017

Каталония: шаг назад, два вперёд

На днях произошло событие, имеющее широчайший международный резонанс: референдум о провозглашении независимости Каталонии. Сама ситуация не просто свежа в памяти: она ещё продолжает развиваться. Причём, похоже, в сторону обострения.

Вкратце, произошло следующее. 1 октября в Каталонии прошёл референдум, проведённый властями региона с целью принятия решения об отделении или не отделении его от Испании. Испанское правительство не признало референдум законным и сделало всё возможное, чтобы воспрепятствовать его проведению. В Каталонию были стянуты крупные силы полиции из других регионов страны; участки, на которых проводилось голосование, блокировались, бумаги изымались. Это вызвало столкновения между полицией и местным населением, пострадало около 1000 человек. Несмотря ни на что, референдум состоялся, и по его итогам 90% проголосовавших высказались за провозглашение независимости. Согласно заявлению главы правительства Каталонии, это произойдёт в ближайшие дни. Обстановка накаляется, поскольку Мадрид не признал законность референдума из-за его противоречия испанской конституции, и не собирается признавать грядущее отделение Каталонии. Наоборот: в качестве наказания может быть поставлен вопрос о полном лишении её автономии, о чём

уже заявлено официально. Референдум был признан незаконным также и Евросоюзом, по той же причине. Однако Евросоюз — это отдельная тема, и мы не будем здесь заниматься разбором его мотиваций.

По данной ситуации возникает два принципиально важных вопроса. Первый: как расценивать тот факт, что каталонский референдум действительно противоречит испанской конституции? Делает ли это его проведение и результаты однозначно незаконными? Второй: как расценивать само стремление какого-либо региона к выходу из состава государства, — то есть, собственно говоря, как относиться к территориальному дроблению, в то время как всё очевиднее становится необходимость объединения, в Европе и не только?

Для того, чтобы ответить на первый вопрос, нужно поставить другой вопрос: что это за конституция, которая отрицает право народов на самоопределение? Вспомним, что Испания — в прошлом империя, державшая в подчинении множество народов на нескольких континентах. История показывает, что у таких государств наблюдается великоимперский комплекс: центральная власть не желает выпускать из рук последние крохи былого могущества, всячески стараясь пресечь попытки к отделению ещё оставшихся в составе государства национальных регионов. Примеров тому хватает: взять хотя бы политику Великобритании в отношении Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Впрочем, имеются и менее масштабные примеры, когда речь не идёт о пережитках имперского великодержавия, — скажем, ситуация с Грузией и Абхазией. Но общий принцип тут один: центральное правительство, фактически — правительство доминирующей в государстве нации, старается удержать в подчинении другие нации, удержать их территории под своим контролем. Неудивительно, что и конституции составляются соответствующим образом, — с пунктами, исключающими право подвластных народов на независимость. Можно поспорить относительно того, в какой степени нация «испанцы» довлеет над нацией «каталонцы», и вообще, разные ли это нации. Разные. Историческое ядро Испании — Кастилия, и кастильцы в государстве являются, так сказать, белой костью, собственно чистокровными испанцами. Близкие этнические группы, такие, как, например, галисийцы или астурийцы, это уже как бы испанцы иного разряда; что же говорить о каталонцах или басках? Ведь даже язык, который мы

называем испанским, в самой Испании называется кастильским. Так что вполне правомерно говорить об определённом неравенстве испанских народов внутри самой Испании, и о том, что среди них имеется доминирующий этнос.

Так должен ли быть конституционно закреплён запрет на отделение от государства национальных регионов? Правильно ли это? Нет, это неправильно. Каждый народ имеет право на свободу и самоопределение. Даже если одно поколение ничего не имеет против зависимости, то позже может придти другое, которое такое положение уже не устроит. Поэтому нельзя включать в конституции многонациональных государств статьи, лишающие целые народы права на независимость в будущем лишь потому, что в момент принятия конституции так сложилась политическая ситуация. И даже согласие представителей этих народов не имеет определяющего значения, — потому что они не имеют морального права отказываться от суверенитета за своих потомков. Объединение народов в единое государство может быть основано только на

равноправном соглашении, и иметь силу до тех пор, пока это устраивает обе стороны. Потому что в наше время отрицание права народов на обретение независимости — дикость, мрачное наследие колониального периода. Так что на первый вопрос можно дать вполне чёткий ответ: Каталония имеет право на независимость, вопреки несправедливому пункту испанской конституции, исключающей это право. А действия испанских властей, пытающихся насильно удержать Каталонию в составе Испании, наглядно продемонстрировало агрессивное неуважение к праву каталонцев на определение своей судьбы. Вряд ли это улучшит отношения между двумя народами и прибавит им желания мирно сосуществовать в общих границах.

Что касается второго вопроса, то ответ на него лежит в той же области. Да, народам нужно объединяться. Не просто нужно: это исторически неизбежно. Но происходить это должно не по принуждению, не через насильственное присоединение, удержание и ассимиляцию одних народов другими. Это должно происходить, прежде всего, через естественное постепенное слияние посредством смешанных браков (каковой процесс уже давно идёт полным ходом), а также через сопутствующую разъяснительно-воспитательную работу, которая должна помочь людям понять, что время разделения народов проходит и

наступает время их слияния в единый этнос — человечество. То есть смешение и слияние должны быть сугубо добровольными, как в хорошем межнациональном браке, — по любви, а не по принуждению. Должно измениться самосознание людей, должно измениться их отношение к национальному вопросу, должна исчезнуть узколобая привычка считать какую-то одну нацию лучшей и более высокой, чем прочие. Должно появиться понимание того, что естественный ход исторических процессов в любом случае приведёт к слиянию народов, и что нужно не препятствовать ему, так как это приведёт к новой вражде и конфликтам, а содействовать. Проще говоря, нужно перевоспитывать людей, помогая им избавляться от национальной спеси и враждебности, помогая понять естественность и преимущества слияния. Народы должны захотеть слиться в единый народ. Ну а пока этого не произошло, нужно уважать и защищать их право на самоопределение. Потому что насильно мил не будешь, и держать кого-то за горло — не лучший способ договориться.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что политическое дробление, когда народы отдаляются друг от друга, с точки зрения исторического процесса является шагом назад. Но в правовом и моральном смысле это шаг вперёд. Времена насильственного подчинения и удержания одних народов другими прошли. От пережитков имперского мировосприятия и имперской психологии надо избавляться. И для того, чтобы принять добровольное решение об объединении, многим народам необходимо сначала обрести независимость. Чтобы принять такое решение самостоятельно, по своему желанию. Чтобы вступить в стадию слияния, им нужно пройти стадию независимости. Возможно, не всем. Но пусть народы сами решают, кому из них это нужно, а кому нет.

Если Каталония объявит о своём отделении от Испании, в определённом смысле это будет шагом назад. Но в другом смысле — шагом вперёд. Тем важным шагом, который однажды в будущем позволит сделать следующий шаг вперёд, шаг более уверенный и правильный. Получается как в пресловутом ленинском «Шаг вперёд, два шага назад», — только наоборот. И если каталонцы сделают этот шаг, я с полным уважением к их выбору пожелаю им доброго пути.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, МИР**

Страх — чувство, знакомое каждому человеку и порой доставляющее немало неприятностей. Я попробую поразмышлять на тему страха, рассмотреть некоторые его виды и проанализировать, когда именно он превращается в проблему.

Что такое страх и для чего он существует?

Прежде всего следует сказать, что с точки зрения психологии страх — это негативно окрашенный эмоциональный процесс, который возникает в результате реальной или воображаемой опасности и служит сигналом к защите. Иными словами, страх нужен для того, чтобы в опасной ситуации сохранить человеку здоровье и жизнь. Это базовая эмоция, инстинкт, неразрывно связанный с физическим телом человека, которое может пострадать или погибнуть. С этой точки зрения страх присущ всем живым существам. Так, многие существа боятся огня и сильного холода, неожиданных громких звуков, вспышек света и прочих сигналов или ситуаций, которые они расценивают как потенциально опасные. Эти страхи можно отнести к врожденным, или же, в некоторых случаях, к приобретенным на собственном опыте, и они абсолютно необходимы для нормального существования. Они носят охранительный характер. Здесь я также хотела бы обратить внимание на то, что большинство этих страхов кратковременны, обратимы, и возникают только в момент непосредственной опасности. Это своего рода «животные страхи», и они схожи у большинства живых существ.

Виды страхов

Когда дело касается человека, все становится гораздо более сложным, — как, впрочем, и во многих других аспектах. Здесь можно говорить не только о страхе, но и о таких более сложных его проявлениях, как паника, фобия, тревога и многих других. Если говорить о видах страха, то наиболее удачную классификацию, на мой взгляд, предложил доктор биологических наук Ю. В. Щербатых. Он разделил страхи на три группы: социальные, биологические, экзистенциальные. Так, боязнь пожара можно отнести к биологическим страхам, страх смерти и прочие страхи, затрагивающие само существование человека, — к экзистенциальным, а страх сцены, к примеру, к социальной. Также есть много страхов, которые попадают сразу в две или даже три группы. Причем причины у таких страхов бывают как явные, так и скрытые. Мне хотелось бы обратить внимание именно на скрытые страхи, потому что именно они доставляют людям больше всего неприятностей.

Явные и скрытые страхи

Зачастую человек не помнит явную причину страхов, и потому неспособен на нее повлиять. Под скрытыми же причинами страха следует понимать страхи, идущие из детства, возникшие как следствия психологических травм, моральных конфликтов, неразрешенных проблем и прочего. Здесь мне хотелось бы заметить, что большинство скрытых страхов являются мнимыми, зловредными и, ввиду своей неочевидности, трудноискоренимыми. Возможно, большинство человеческих страхов относятся именно к мнимым страхам. О них пойдет речь чуть дальше.

В детстве нам присущи скорее явные страхи. Ребенок упал, ударился, и с тех пор он становится чуть более аккуратным, потому что боится упасть еще раз. Чем сильнее негативный опыт, тем глубже страх и нежелание столкнуться с проблемой вновь. Однако дети падают, и не один раз, и все потому, что их страхи адекватны. То есть ребенок опасается упасть, становится аккуратнее, но не перестает бегать. Он принимает во внимание риск, учится избегать опасности. Именно в этом и заключается прямая функция страха — позволить нам адаптироваться, приобрести полезный опыт.

Во взрослом возрасте, однако, страх имеет тенденцию перерождаться из защитного механизма в нечто, что мешает нам жить и принимать правильные решения. Именно об этом, как мне кажется, говорит известная пословица «Обжегшись на кипящем молоке, дует и на родниковую воду». То есть страх начинает преобладать, как давящая негативная эмоция, и, по сути, превращается в средство ограничения, причину излишней тревожности. Он уже не призван устранить конкретную проблему, а сам становится проблемой. Здесь человек незаметно уходит из плоскости личного опыта в плоскость домыслов и иллюзий. Именно с такими страхами мы боремся большую часть своей жизни.

Мнимые страхи

Одним из ярких признаков мнимого страха является то, что он остается с человеком надолго, и уже не имеет яркой причинно-следственной связи. То есть нам уже давно не предлагают кипящего молока, но мы продолжаем изо дня в день дуть на воду. Мы как бы обобщаем, и вся вода для нас становится кипящим молоком. Думаю, одним из ярких примеров такого страха является нежелание человека любить или дружить, если однажды близкий человек сделал ему больно. Подобные страхи, с одной стороны, вроде бы имеют под собой личный опыт, логику и кажутся явными, но, по сути, они не более адекватны, чем приравнивание кипящего молока к холодной воде. Подобные страхи имеют под собой природу, схожую с предубеждением, стереотипами и прочими негативными обобщениями. Подобных страхов великое множество, и с ними тем сложнее бороться, чем больше человек склонен упрощать и стричь всех под одну гребенку. И, главное, он убежден, что его страх выстрадан и основан на личном опыте, упуская из виду простую логику: если все крокодилы — животные, то это не значит, что все животные — крокодилы. Мнимые страхи я расцениваю как болезнь, потому что они уже не служат своей естественной цели.

На черной-черной улице

Однако самыми коварными и самыми трудными к выявлению являются мнимые страхи, которые в своей основе вообще не имеют личного опыта, а базируются на страхах других людей и общепринятых «аксиомах». Здесь можно, опять же, вспомнить страшилки из детства: на черной-черной улице стоял черный-черный дом, и в нем жил черный-черный... История, которая призвана быть страшной по умолчанию, и уже изначально подается так: «А хочешь страшную историю?». Человек как бы автоматически принимает чужой опыт или мнение за истину, базирует на ней собственные страхи, и не пытается поставить их истинность под сомнение. Почему, собственно, история про черный дом и черного кота должна быть страшной? Никто об это не подумал. Пример, упрощенный до предела и даже немного абсурдный; но в жизни все обстоит далеко не так смешно.

К примеру, родители говорят своей дочери: «Ты обязательно должна выйти замуж и родить ребенка, иначе останешься одна на старости лет, некому будет подать стакан воды, — это так страшно». Казалось бы, с одной стороны, это мнение родителей, которое служит предостережением и, возможно, отражает нечто, в чем они убеждены. Возможно, именно их дочь вовсе не будет одинока и несчастна, если вдруг она не выйдет замуж и не родит ребенка. Может, она будет прекрасно жить без семьи, и будет счастлива. Только жизнь их рассудит. Но суть в том, что даже такая фраза может породить в человеке мучительный страх перед одиночеством, тяжелые комплексы и переживания.

Я не призываю родителей отказаться от наставлений. Это невозможно, и мы пугаем и будем пугать своих детей ради их же блага. Но нужно видеть обратную сторону медали. И прежде всего, ее нужно видеть тем повзрослевшим детям, которые страдают от собственных страхов. Подобное влияние может оказываться на человека и безо всякого умысла вообще. Человек слышит чье-то мнение, и принимает его за свое. Например, кто-то из ваших близких скажет: «Я так боюсь боли», «Я так боюсь смертельно заболеть», «Я так боюсь летать на самолетах», «Я так боюсь больших собак», — вариантов бесконечное множество. И вы принимаете его мнение за свое, за аксиому, за факт, и для вас это звучит уже иначе: «Нет ничего страшнее боли», «Болеть очень страшно — можно умереть», «Летать на самолетах опасно», «Большие собаки представляют опасность для людей» и т.д. Вариантов, как именно это может быть воспринято психикой, великое множество, — и самое неприятное, что человек не осознает механизм появления своего страха. Он просто начинает бояться даже мысли о боли, пугается при простом покашливании в транспорте, избегает авиаперелетов, за километр обходит больших собак. Примеры очень условные, — но суть в том, что на вопрос: «А почему ты этого боишься?» человек ответит: «Потому что это страшно, опасно».

Собственный пример

Мне хотелось бы осветить именно аспект мнимых страхов, потому что я испытала подобное на собственном опыте. Долгое время я боялась, что со мной случится нечто, отчего я буду испытывать сильную боль. Постепенно это мысль стала устрашать все сильнее. И меня искренне удивляло, что другие люди не боятся этого. Как можно не бояться боли? Что может быть страшнее? Но в какой-то момент я вдруг осознала, что в основе этого страха нет моего личного опыта. Мало того: мой опыт говорит как раз об обратном. Мне приходилось испытывать боль, проходить через операции, травмы. И я спросила себя: что я испытывала в этот момент? Страх, панику, ужас? Вовсе нет. Только саму боль. Причем она воспринималась как должное: получил травму — все болит — это нормально. То есть реальная боль меня никогда не пугала. Только воображаемая, которую я когда-то и как-то могу испытать. Со стороны видна абсурдность моего мнимого страха, — но я долго не могла понять, почему он возник. В реальности же он возник как раз из утверждения близкого человека в стиле «Нет ничего страшнее боли». Спору нет: может быть, для него это и так (если и для него это не мнимый страх, который он передает дальше). Но не для меня. Мой опыт говорит об обратном: я не боюсь боли. Я боюсь, когда боль причиняют другим, и, возможно, еще это подтолкнуло меня воспринимать чужой страх как свой.

Самое неприятное во всем этом то, что от такого страха очень трудно избавится, — ведь ища причину, упираешься в аксиому, и за ней уже ничего не видно. Аналогично я переживала, что мне очень трудно принимать на себя полную ответственность за других людей, за их жизнь и будущее; я боялась, что не смогу, что будет тяжело. В реальности же этот страх опять возник из-за утверждения близкого человека в стиле «Как мне трудно тащить все на себе, я один, это тяжело, страшно». Я приняла это на себя, восприняла как факт: «Очень трудно отвечать за других, можно сломаться, всех подвести. Это страшно». Потом же опять провела анализ своей жизни — и увидела, что я никогда не боялась ответственности, что я беру на себя решение проблем, не страшусь отвечать за других и уверена в успехе. И моя жизнь это подтверждает. Парадоксально, что мучительный страх и сомнения возникли даже вопреки собственному опыту. А что, если человек не найдет в своей биографии опровержения страхов?

Страхи прочь

Мне хотелось поделиться личным опытом для того, чтобы помочь другим преодолеть страх. Я пользуюсь несколькими приемами.

Прежде всего, нужно осознать, что ты чего-то боишься, и честно ответить себе, чего именно. Да-да, иногда трудно себе в чем-то признаться. Далее, нужно задать себе вопрос, почему ты этого боишься; и если напрашивается ответ «Потому что страшно», крепко задуматься. Причина никогда не заключается в самом страхе, она должна лежать вне его. Например, цепочка может быть такой: «Я боюсь собак, потому что они страшные. Они страшные, потому что могут меня укусить». Кусала ли меня хоть раз собака? Если ответ «нет», то это чистой воды мнимый страх, и даже не из личного опыта. Если ответ «да», то это все равно мнимый страх, потому что из этого несчастного случая вовсе не следует вывод, что все собаки кусачие и каждая первая будет меня кусать. И, значит, не нужно бояться всех больших собак «потому что они страшные», не нужно провоцировать появление страха без причины, не нужно переживать то, чего нет. А причина будет только тогда, когда будет реальная угроза укуса, и когда страх действительно будет защитным механизмом, а не ужасом самим по себе.

Еще один критерий таков — нужно спросить себя, а помогает ли конкретный страх избежать неприятностей? Например, мой постоянный страх боли никак не помогал мне избежать ее, — просто потому, что в жизни периодически бывает больно, и тут ничего не поделать. Нужно просто подходить логически; если боли можно избежать, то не нужно лезть на рожон; если избежать нельзя или это ведет к глупым и аморальным поступкам, то боятся бесполезно, а просто нужно потерпеть. Страх — это защитный инструмент, эмоция; и не нужно раздувать из мухи слона. Не следует бояться неизбежного, потому что на то оно и неизбежное,

что избежать его нельзя, — а мы помним, что страх нужен, чтобы помогать предотвращать неприятности. Тут же предотвратить ничего нельзя.

Третий критерий — в психологической полезности. Когда ты боишься, от этого в каком-то смысле становится легче, потому что есть результат — возможность предотвратить реальную угрозу. Или же наоборот — тяжелее, потому что страх стал страшнее самой причины, по которой возник, и фактически ничего при этом не меняется. И если мы имеем дело со вторым моментом, то нужно просто взять себя в руки и не дать эмоциям одержать верх над разумом.

Иными словами, страхи нужно анализировать, искать причину, видеть настоящую причину за мнимой и копать глубже. До тех пор, пока страх довлеет над человеком, его можно считать неразрешенным, — а значит, истинную причину вы так и не нашли. Ищите ее в личном опыте, не обобщайте, старайтесь мыслить логически, представьте, что разбираете страх другого человека, попросите других людей объяснить, почему они не боятся того, чего боитесь вы. И, главное, продолжайте анализировать до полного устранения страха, день за днем, — ведь ничто не дается с первого раза.

Страхи и Учение

Следует сказать, что есть прямая закономерность между степенью познания в Учении и исчезновением страхов. Чем больше человек знает и понимает, тем, при прочих равных условиях, он меньше подвержен страхам. Мнимые же страхи, как болезнь, искореняются полностью. У этой закономерности есть целый ряд объяснений.

Прежде всего, страхи, какими бы они ни были, напрямую связаны с физическим телом, — ведь, в конечном счете, это оно страдает и испытывает муки. Для человека из Учения тело не является высшей и единственной ценностью, потому что, во-первых, он знает, что за время своего сознательного существования он перерождается ни один раз в разных телах, и, во-вторых, он не отождествляет свою личность с телом. Тело для человека из Учения является очень ценным и важным инструментом для вершения блага, не больше и не меньше. Иными словами, Человек Учения не пойдет на подлость или мерзость ради спасения своей шкуры, потому что у него другие ценности. Он знает, что с телом однажды все равно придется проститься, а вот совершенная подлость останется с ним навсегда. Человек Учения ставит в основу всего Дух, работу над своими нравственными качествами, совершенствование личности, а не ублажение тела как конечной цели. При такой расстановке акцентов страхи автоматически начинают уходить на второй план.

Приведу несколько необычный, но, как мне кажется, наглядный пример. Вам дали бумажный носовой платок и сказали, что если он порвется, вы сразу же

умрете. Вы будете трястись над этим платком, как над зеницей ока, и ни в коем случае не будете его мочить, сморкаться в него; и если кто-то вдруг его схватит и решит использовать по назначению, вы испытаете ужас. Согласитесь, с таким носовым платком в кармане жить не очень уютно; тревоги будет гораздо больше, чем без него. Вот примерно так же происходит и с телом, когда на нем мир сходится клином. Я уже не говорю о том, что все подлости мира, в общем-то, делаются ради ублажения бренного тела. Люди живут одним днем, зачастую не видя дальше своего носа. О какой борьбе со страхами может идти речь, когда бумажный платок может порваться в любой момент? У Человека Учения такого платка нет, и это освобождает от многих страхов.

Далее, Человек Учения имеет совершенно иную картину мира и иначе видит на ней себя. Он знает, что является важнейшей частью эволюции Вселенной, — частью эволюции Духа, что именно через его моральный выбор и нравственность совершенствуется Дух. Он понимает, что это новый виток развития, движение в будущее, от менее совершенного к более совершенному. Также он знает, что Вселенная возложила эту функцию на всех людей, и это по силам каждому, — а значит, нет слабых, нет неудачников, нет проигравших. Даже самое сложное по силам каждому, потому что это естественно, — а значит, нет смысла бояться неудач. Такой человек верит в себя, в свои силы, и он не ограничен одной жизнью: что не будет сделано сегодня, обязательно будет сделано завтра.

Помимо всего этого Человек Учения знает о великом единстве и чувствует его. Он более не живет в вакууме, не чувствует себя маленьким и одиноким существом на окраине Вселенной. Он всегда един с миром, он часть мира, а весь мир часть его. Мы все часть единого Духа, который неделим, но одновременно каждому из нас как бы вверена забота об одной его маленькой частичке. Фактически же разделения нет — каждый из нас одновременно является и частичкой, и всей Вселенной: «Капли дождя сливаются — и рождается океан» (Эвангелон, 66). Являясь каплями, мы уже сейчас являемся океаном. Каждый человек — это активный разум и Дух Вселенной, и уже во всей его полноте. Мы меняем только фокус восприятия. Я-человек, или Я-Вселенная, — все это стороны одного и того же.

Это можно увидеть на наглядном примере. Вдруг на секунду мы стали бы воспринимать себя не человеком целиком, а могли посмотреть на себя глазами одной клетки, как бы изнутри. Так и происходит — мы смотрим на мир и самого себя глазами клетки. Но можно сменить фокус и воспринимать себя полноценно. Я — это вся Вселенная. И не только капля — это часть океана, но и в этой капле содержится океан. Не только я — часть всего, но и все вокруг, вся Вселенная, — это лишь часть моей личности. Я действую повсюду, пребывая в себе, и сразу пребываю во всем. При таком восприятии собственные страхи кажутся какими-то

мелочными и несущественными. Зачем бояться, когда за тобой вся Вселенная и ее силы? Ты, по сути, не можешь ничего потерять, потому что все вокруг и так принадлежит тебе. Страхи же всегда касаются тебя-клеточки, а не тебя-Вселенной. Поэтому Человек Учения смотрит на страхи с высоты Вселенной.

Помимо этого, ощущение единства делает психику человека естественно здоровой, и страхам в ней остается все меньше и меньше места. Если такой человек чего-то и боится, то он боится за других, за их благополучие, за их будущее. Но это даже не страх, а беспокойство, желание помочь и поддержать, сделать мир лучше.

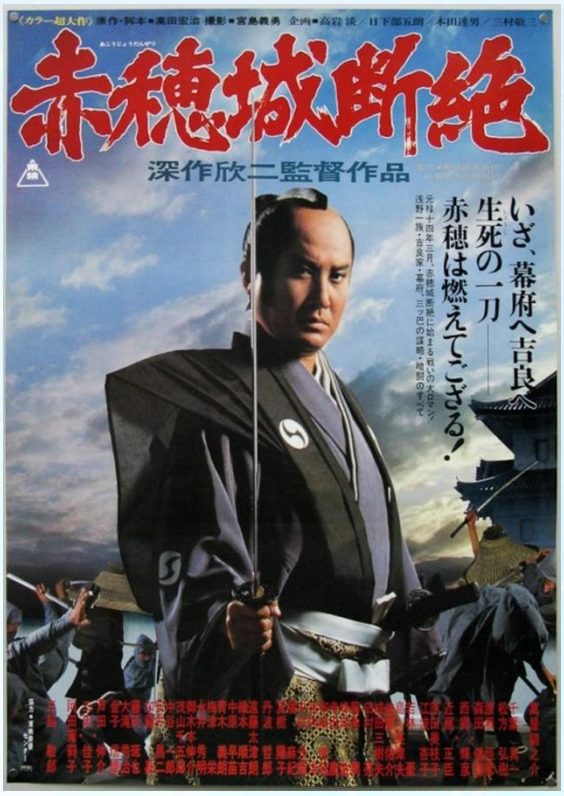
Борьба со страхами в Учении происходит примерно так же, как и с пороками, — через осознание подлинного положения вещей, через расширение кругозора и сознания, через работу над своими нравственными качествами. Чем естественнее становится мировоззрение, чем лучше человек понимает законы Вселенной и Природы, тем проще ему выйти за рамки себя-частички, и тем меньше он подвержен страхам, иллюзиям и прочим негативным явлениям. Открываются новые горизонты, спадают прежние оковы, ты начинаешь видеть и чувствовать полноту и красоту жизни. Здесь мне вспоминаются слова, которые, если я не ошибаюсь, принадлежат французскому поэту Жану Марсенаку: «Чем больше я узнаю человека, тем больше я люблю собак, — говорил дурак; Чем больше я узнаю человека, тем больше я его люблю, — говорила собака; Чем больше я узнаю, тем больше я люблю, — говорил человек». А я бы сказала в унисон его словам: чем больше я узнаю, тем меньше я боюсь, — ведь в свете знания нет места тьме страха.

© Амрадхари, 2017

Падение замка Ако

Под порывом весеннего ветра
Цветы легко опадают.
Я ещё легче
с жизнью прощусь.
И всё ж — почему?

Предсмертное стихотворение Асано Наганори

«Падение замка Ако» — японский художественный фильм 1978 года, экранизация знаменитой истории 47 ронинов.

Эта история началась в 1701 году. Церемонимейстер сёгунского двора князь Кира Ёсинака из зависти оскорбил князя Асано Наганори. Тот вспылил, выхватил меч и попытался убить обидчика, — но лишь неопасно ранил его. Обнажение меча во дворце считалось недопустимым, и сёгун был разгневан. Поэтому Асано без надлежащего расследования был приговорён к сэппуку, которое и совершил в тот же день. Кира не был признан виновником ссоры и не понёс соответствующего наказания: его лишь отправили в отставку. Это было воспринято вассалами князя Асано как вопиющая несправедливость. Они попытались добиться наказания для Кира, но потерпели неудачу. Тогда группой из 47 самураев (теперь — ронинов, поскольку князь Асано был мёртв, его клановое имя было упразднено, а владения конфискованы) во главе с Оиси Кураносукэ, главным советником Асано, было принято решение восстановить справедливость и отомстить за господина. Самому младшему из мстителей было 14 лет, самому старшему — 75. Почти два года они готовились к отмщению и выжидали возможности. 14 декабря 1702 года они атаковали усадьбу, где находился тогда князь Кира, захватили его и предложили совершить сэппуку. Он отказался, и тогда Оиси собственноручно обезглавил его. После этого они

отправились в храм, где был похоронен князь Асано, возложили голову Кира на его могилу и сдались властям. По итогам разбирательства они были приговорены к сэппуку, а после похоронены при том же храме, что и их господин.

Я не сторонник идеи мщения. Но глубоко уважаю верных и целеустремлённых людей, готовых на самопожертвование во имя справедливости. Сорок семь ронинов прекрасно знали, что будут приговорены к смерти, — и всё время, пока готовились к мести, они жили с сознанием этого. И когда их приговорили, они были давно готовы, приняли приговор как нечто само

Храм Сэнгакудзи

Могилы 47 ронинов

собой разумеющееся и спокойно, с чувством выполненного долга, ожидали приказа покончить с собой. В фильме это заключительная сцена — и, в то же время, одна из самых сильных. Они сидят, одетые в белое, и обмениваются последними фразами. Затем одного из них вызывают. Он встаёт и выходит. Спустя краткое время вызывают следующего. Последним остаётся Оиси. Прощаясь с лицами, надзирающими за приведением приговора в исполнение, он говорит о своих товарищах: «Это были великие люди». Я с ним согласен. В другом месте я написал об этом так:

Доброе и дурное переплетаются так, что временами непонятно, где заканчивается одно и начинается другое. Вот прекрасный пример тому.

Сорок семь преданных вассалов отомстили, а затем спокойно приняли приговор и покончили с собой. Что хорошего они сделали? Мстить не следует: это зло. Убийство — тоже зло, всегда, во имя

Сейчас князь Асано выхватит меч

чего бы оно ни было совершено. Самоубийство также нельзя одобрить, если оно не имеет целью спасение других людей. Сорок семь совершили всё это. Но в то же время они достойны глубочайшего уважения, — и обрели таковое заслуженно.

Клятва мщения: кровавый отпечаток пальца

Последний подарок князя Кира

Такая преданность долгу, целеустремлённость, терпение, храбрость и спокойствие перед лицом смерти поистине заслуживают того, чтобы быть примером для всех. Даже неправильное дело можно сделать так, что это будет вызывать восхищение. И тем, кто никогда не мстил и не совершал иного большого зла, но и не отличился упомянутыми выше благородными качествами, тут есть чему поучиться. Такая верность долгу подобна скрепам, удерживающим Вселенную от разрушения, а такая готовность к смерти стоит целой жизни, прожитой в страхе перед ней.

Если бы люди делали правильные дела так, как сорок семь сделали своё неправильное дело, мир был бы иным. (Большая сотня, 8)

Что ещё я могу к этому добавить? Только одно. Могилы сорока семи стали для японцев местом особого почитания. Туда приходят, чтобы отдать долг восхищения и уважения. И если бы мне предложили посетить в Японии только какое-нибудь одно место, то это было бы кладбище при храме Сэнгакудзи.

По пути к усадьбе Кира

Историю 47 ронинов экранизировали и до, и после 1978 года. Но я очень сомневаюсь, что она когда-либо была или будет показана лучше, чем в «Падении замка Ако». Мало того, что фильм снят достаточно точно по историческим событиям, — он и сам по себе очень впечатляет. Это почти трёхчасовая эпопея, снятая красиво и с нотой трагизма, которая ясно ощущается на всём протяжении картины. Хорошая режиссура, отличная игра актёров (в небольшой, но яркой роли снялся мой любимый японский актёр Тоширо Мифунэ). Много сильных сцен. Не могу не упомянуть ещё одну из них, особенно врезавшуюся в память. Князя Кира, за его

вздорный, заносчивый и подлый нрав недолюбливали многие. И общее, неофициальное мнение склонялось к тому, что он должен быть наказан. Можно сказать, что общественное мнение тоже приговорило его. Поэтому во время нападения на его усадьбу соседи не пришли на помощь. А о том, когда его можно будет застать в усадьбе, мстителям намекнул мастер чайной церемонии, проводивший её для Кира. И уже догадываясь, что Кира доживает последние часы, мастер дарит ему драгоценную чайную чашку, которую

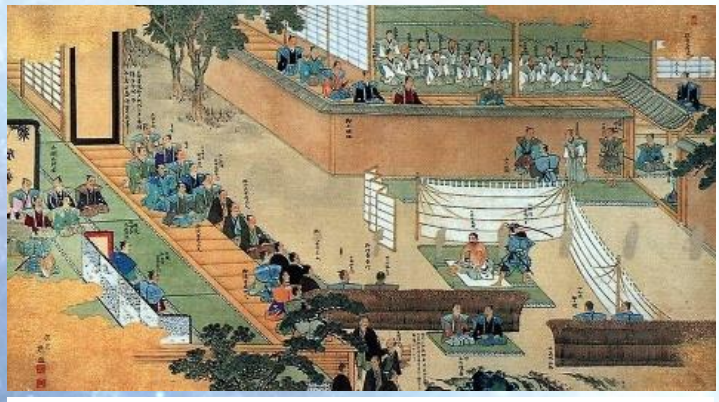

Казнь Кира

В ожидании сэппуку

тот давно хотел получить и несколько раз просил в подарок. Кира очень удивлён и обрадован: он хватает чашку и с наслаждением любуется ею. А мастер смотрит на него долгим взглядом, в котором читаются одновременно и смертный приговор, и желание подарить последнюю радость пожилому человеку, который уже обречён. Я бы сказал, что это чисто японская иллюстрация к тому, как причудливо порой сочетаются жестокая справедливость и человеколюбие. Такая сцена могла бы послужить украшением любого фильма.

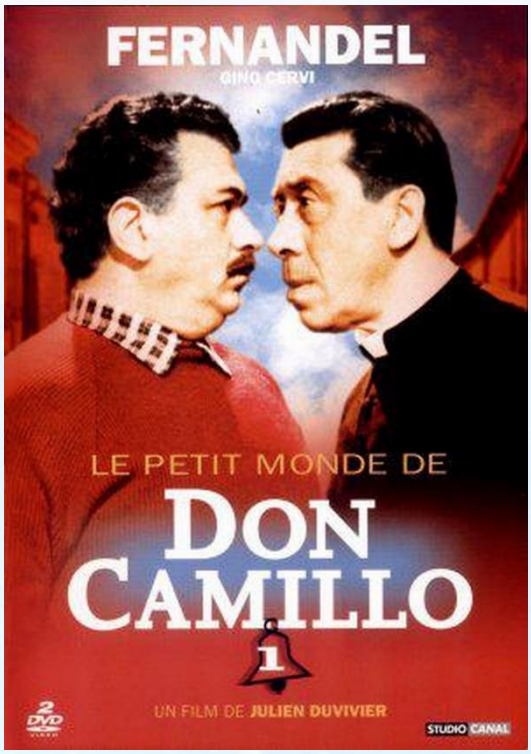

Сэппуку Оиси Кураносукэ

© Атархат, 2016

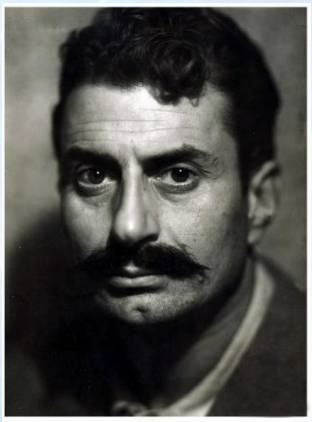
РУБРИКА: **ДОСТОЙНОЕ КИНО**

Маленький мир дона Камилло

«Маленький мир дона Камилло» — франко-итальянский художественный фильм 1952 года, снятый по произведениям Джованнино (в титрах — Джованни) Гуарески.

Кто не знает Фернанделя? Впрочем, сейчас такие времена, что кое-кто уже не ответит и на вопрос, кто такой Ленин. Но, по крайней мере, люди старшего и среднего поколения знают и любят Фернанделя, — потому что фильмы с этим актёром показывали даже в СССР. Правда, это были либо просто весёлые комедии, либо комедии с сатирическим уклоном, бичевавшие социальные язвы Западного общества (например, знаменитый «Закон есть закон»).

Джованнино Гуарески

Фильмы о доне Камилло, насколько я знаю, в Советском Союзе не демонстрировались. Всего их пять: «Маленький мир дона Камилло», «Возвращение дона Камилло», «Большая драка дона Камилло», «Дон Камилло монсеньор... но не слишком», «Дон Камилло в России». Я очень люблю этот цикл. Его находка стала для меня настоящим культурным событием. По-моему, это — лучшие фильмы с Фернанделем. Почему их у нас не показывали? Это становится ясно, стоит лишь посмотреть хотя бы первый, — о котором я здесь и расскажу.

Послевоенная Италия, только что ставшая демократическим государством. На свободных выборах в маленьком городке, где и трудится священником дон Камилло (Фернандель), победили местные коммунисты, и пост мэра занял их лидер Джузеппе Баттачи по прозвищу Пеппоне (Джино Черви). Дон Камилло огорчён и возмущён. Он немедленно встаёт в оппозицию, и начинается его эпическое — иного слова не подберёшь — противостояние с Пеппоне, которое будет продолжаться и в последующих фильмах цикла.

Дон Камилло — очень колоритная личность. Он постоянно разговаривает с Иисусом, позволяя себе высказывания в стиле «Я, конечно, не критикую ваши

действия, — но если бы был на вашем месте, я бы никогда не позволил Пеппоне стать мэром!». Иисус отвечает ему с большого деревянного распятия, стоящего в церкви, и порой у них получаются самые настоящие дискуссии: «Господи, я ему врежу! — Не может быть и речи! Я простил, ты тоже прости». Дон Камилло саркастичен и упрям. Ещё он силач, и не дурак подраться. Однажды он, схватив подвернувшийся под руку стол, побивает им полтора десятка приезжих коммунистов (эпизод, от которого за версту веет Рабле). Мэр Пеппоне, внешне смахивающий на Сталина (особенно на своём агитационном плакате), — тоже крепкий орешек. Он не менее упрям, хотя и более простодушен, и кулаки у него тоже тяжёлые.

Дон Камилло разговаривает с Богом

Митинг после победы на выборах

— Как его назовёте?
— Ленин-Либерио-Антонио.
— Тогда крестите его в Советском Союзе!

Каждый из двух антагонистов по-своему болеет за людей, каждый считает другого вредителем и идеологическим врагом номер один и всячески старается надавить на него, в чём-то ущемить, высмеять, а то и обдурить. Но это — враги-друзья, которые, как вскоре становится ясно, не могут друг без друга. Во время войны они были в одном партизанском отряде, уже тогда безостановочно пикировались и клеймили друг друга, — и продолжают в мирное время, попеременно одерживая друг над другом верх. При этом каждый, вроде бы, непримирим, и время от времени дело у них доходит до кулаков, — но зачастую им приходится идти на компромиссы, и даже действовать заодно. Пеппоне ругает попов и религию, — и в то же время уважает её. Он хочет окрестить своего новорожденного сына. Узнав, что ребёнка собираются назвать Ленин-Либерио-Антонио, дон Камилло наотрез

— И давно вы не исповедовались?
— С 1918-го

Дон Камилло всегда готов к неожиданностям

Судья в конце матча

отказывается провести обряд, и соглашается только после того, как Пеппоне добавляет к возмутительному имени «Камилло». Дон Камилло насмехается над малограмотностью мэра, но в итоге помогает ему исправлять ошибки в его коммунистической писанине. Когда коммунисты, ввиду забастовки, ставят кордоны и перестают допускать народ в коровник, и недоеные коровы ревут от боли, священник и мэр (который сам же эти кордоны и организовал) не выдерживают, тайно пробираются туда, и всю ночь вкалывают вдвоём, доя коров и принимая у них роды. В другой раз они соби-

После трудов праведных

рают каждый по футбольной команде и устраивают принципиальный матч, — причём оба подкупают судью. А ещё им придётся улаживать судьбу местных Ромео и Джульетты, — девушки из зажиточной семьи и молодого коммуниста. К концу фильма становится очевидно, что дон Камилло и Пеппоне в душе испытывают взаимную привязанность и уважение, — но каждый скорее умрёт, чем сознается в этом.

Вполне понятно, почему фильмы о доне Камилло не показывали в СССР. Нельзя было показывать советскому зрителю кино, в котором коммунист смотрится довольно комично и порой оказывается посажен в лужу священником, — ещё при том, что они вместе воевали и, несмотря на постоянное соперничество

и взаимные инвективы, явно расположены друг к другу. А в пятом фильме (кстати, самом слабом из всех), где наши герои попадают в Советский Союз, вообще идёт откровенная критика советского строя. Поэтому наш зритель был лишён возможности насладиться этими замечательными комедиями. Да: замечательными. Юмор в них беззлобный и мягкий, они добрые и тёплые, порой очень ироничные, порой щемяще-печальные. После них остаётся ощущение веселья и, в то же время, немного, ощущение светлой грусти, какая бывает на переломе солнечной осени. Смотришь и думаешь: «Вот если бы все враги были такими, как эти двое! Тогда в мире было бы гораздо меньше ненависти и горя». Комедийность — комедийностью, но эти фильмы вполне серьёзно учат тому, что антагонизм всегда второстепенен, а человечность важнее, что можно даже к идеологическим противникам относиться без злобы и ожесточения, и что расхождение во взглядах не должно заставлять забыть о связывающей души взаимной приязни и уважении. Это — уроки, и уроки хорошие. Сейчас таких очень не хватает.

— Теперь Пеппоне не скажет, что на процессии не было ни одной собаки!

Один епископ на двоих

В 1983 году был снят фильм «Дон Камилло» с Теренсом Хиллом в заглавной роли и Колином Блэкли в роли Пеппоне. Хорошие актёры, и снято хорошо, с задором. Но это — не урок добра, а просто добротная комедия. От неё не щемит в груди и не остаётся светлой грусти. Её я посмотрел с удовольствием и, может быть, когда-нибудь пересмотрю. А фильмы с Фернанделем и Джино Черви пересматриваю вновь и вновь.

© Атархат, 2016

РУБРИКА: **ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ**

В океане разумной жизни

Всем известен давно уже ставший достоянием фольклора вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?», а также выражение «зелёные человечки с Марса». То и другое превратилось в устойчивый оборот речи, обычно имеющий иронический оттенок. Это привет из тех времён, когда одним очень хотелось и мечталось, чтобы человечество поскорее нашло братьев по разуму, а другие считали саму постановку вопроса о существования внеземной жизни, да ещё и разумной, уделом легкомысленной литературы, и высмеивали первых. Эти другие были тогда если и не в большинстве, то в авторитете, и их точка зрения очевидно перевешивала. Научный скепсис — великая сила! Столь великая, что способна в течение долгого времени класть на обе лопатки другую великую силу — здравый смысл.

Что говорит здравый смысл в данном случае? Он говорит, что в гигантской, непредставимо колоссальной Вселенной, по простому закону вероятности, должна быть жизнь, в том числе разумная, помимо той, которая существует на Земле. Это вероятно уже хотя бы потому, что уникальность и неповторимость условий, сложившихся на нашей планете и способствовавших появлению и развитию на ней жизни, может только предполагаться, но не может быть доказана. Тем не менее, серьёзные учёные в течение многих лет утверждали, что ситуация с Землёй уникальна, и что не стоит лелеять мечты об обнаружении жизни на других планетах. Более того: по их мнению, не следовало также особо рассчитывать и на существование самих этих других планет. «Очень вероятно, что кроме Солнечной системы больше нигде во Вселенной не создались условия для формирования планет» — говорили они.

И вот теперь открыто уже несколько тысяч планет, среди которых имеются и более-менее напоминающие Землю. Таких очень мало — но они есть. А ведь это — меньше, чем капля в море по сравнению с теми объёмами пространства, куда пока ещё не досягают наши средства обнаружения. Для наблюдения, позволяющего открывать планеты, доступен лишь крошечный уголок галактики.

Только одной галактики из многих и многих. И сейчас уже едва ли кто-то станет, опираясь исключительно на научный скепсис, безапелляционно утверждать, что человечество одиноко во Вселенной.

Что же до Учения, то оно всегда — даже много тысяч лет назад, во времена предыдущих откровений — с уверенностью утверждало, что во Вселенной существуют и другие разумные расы помимо человечества, и что их много. Конечно, доказать это пока что невозможно. Тут не поможет даже свидетельство очевидца. Я сам, находясь в мире энергии в промежутке между двумя жизнями, встречался и общался там с представителями других цивилизаций и посещал их планеты. Однако я не могу доказать также и существование мира энергии, как и то, что человек живёт не одну жизнь. Я сам себе напоминаю средневекового путешественника, побывавшего на другом материке и рассказывающего о его чудесах, но не имеющего в подтверждение этих рассказов ничего, кроме собственных воспоминаний. В принципе, обычное дело, когда речь идёт о чём-то неизведанном.

Почему Учение говорит о разумной жизни во Вселенной как о несомненном факте? Хотя бы потому, что её существование заложено в программу эволюции Вселенной. И не только заложено, но и является ключевым её фактором.

Творец сейчас проходит своеобразную фазу своего развития: фазу внутреннего познания себя. Познания, ведущего к моральному совершенствованию. Это делает его Дух совершеннее, придаёт ему более высокие качества. Именно так Творец должен достичь уровня развития, который даст ему возможность сделать важный шаг в личной эволюции и испытать качественное перерождение. Но познание и моральное продвижение невозможны, если не задействован разум. Только разумные существа могут пройти этим путём. А это означает, что появление таковых должно быть заложено в программу внутренней эволюции Творца. Он познаёт себя через них, через них совершенствует свой Дух. Они — та сила, без которой Творец никогда не придёт к своему преображению. Без них существование Вселенной не имело бы смысла. Можно сказать, что именно ради их появления всё и затевалось. Вселенная «проектировалась» Творцом как колыбель разума; как то, что должно было стать средой для появления и развития разумной жизни.

И такая жизнь в ней существует. Это не только люди. Одного нашего вида было бы недостаточно для выполнения столь грандиозной задачи. Задачи, в буквальном смысле слова, вселенского масштаба, — не только в пространстве, но и во времени. Эволюция работает не только на одной маленькой планете. Она, выражаясь современным языком, заточена под то, чтобы вести к появлению

разумных видов, — и эти виды появляются постоянно, едва ли не по всей Вселенной. Только в нашей галактике их могут быть многие тысячи, если не миллионы. Всего же во Вселенной, которая хотя и не беспредельна, но всё же больше, чем мы можем попытаться себе представить, их поистине неисчислимое количество.

Вселенная напоминает океан, буквально кишащий жизнью. И значительная часть этой жизни является разумной. Ведётся огромная работа по совершенствованию Духа. Разумные расы появляются, проходят свой путь и уходят в мир Духа, принося туда его частицы, когда-то исшедшие из него и теперь возвращающиеся обратно более совершенными. Частицы, которые пребывали в разумных существах («осознающих» в терминологии Учения) и бывшие их душами. На смену уходящим расам приходят новые, готовящиеся пройти подобным же путём, принимающие в себя частицы Духа, чтобы однажды вернуть их в мир Духа более чистыми.

Это путь каждой разумной расы, который можно назвать путём её души из света в свет. Все они выполняют общую задачу. Все они — и мы, люди. Мы — одни из них. Это и наша задача, это и наш путь. Человечество — одна из тех ярких искр, которые все вместе озаряют Вселенную светом разума. Светом разума Творца, сияющим в нас, осознающих.

Вселенная наполнена жизнью. В том числе — жизнью разумной. Её возникновение — не редкий феномен, не плод невероятного стечения обстоятельств, не исключение из правил, а как раз правило, естественная закономерность и неизбежность. Вселенная для того и создавалась, чтобы быть населённой разумными существами. И вся её материя, энергия и Дух должны со временем пройти через осознающих, побывать их частью.

Для человечества существование разумной жизни где-то помимо Земли пока ещё неочевидно. Но станет очевидным в своё время. Впрочем, люди мечтали о встрече с обитателями других планет с тех пор, как стали видеть в планетах не просто огоньки на твёрдом небесном своде, но космические тела, подобные Земле. Так и родился вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?». Ну, на самом-то Марсе, может быть, и нет. Со временем узнаем, — может быть, довольно скоро. Но мечта о встрече с братьями по разуму — это мечта из тех, которые обречены на осуществление. Когда это произойдёт? Трудно сказать. Но произойдёт, совершенно точно. Можно сказать, рандеву уже назначено. И то, как скоро оно состоится, зависит не только от них, но и от нас.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ПО СТРАНИЦАМ ПАНДЭКТА**

Человек власти, власть человека

Снова обратимся к митэвме «Отцы», книга «Дорон». Властитель Семи Земель и Учитель Илан на протяжении нескольких дней ведут беседы, в которых Илан наставляет своего слушателя в том, что касается сущности человека, смысла жизни и других важнейших вещей. Сама митэвма начинается с того, что Илана захватывают в плен и отправляют ко двору Властителя, который поначалу относится к нему высокомерно и жестоко, и даже приказывает подвергнуть его пыткам. Но затем, впечатлённый стойкостью пленника, его мудростью и убеждённостью в правильности избранного им пути, изменяет своё отношение. Теперь он уважает Илана и просит поделиться знаниями. В своих беседах, среди прочего, они коснулись и темы власти. Властитель сам задал вопрос о ней:

«Властитель пришёл к Илану через четыре дня. Он пришёл и сказал: «В эти дни размышления над твоими словами были моей пищей. То, что ты сказал, — как печать на моём сердце. И я пришёл для того, чтобы спросить тебя о сущности власти. Скажи: что она такое и в чём её суть?». Илан ответил: «Власть есть добыча, уловляющая охотника. Однако же не всякая власть такова. Слушай, что я скажу

тебе. Есть три власти: первая — власть ради власти, вторая — власть ради властвующего, третья — власть ради мира. Первая из них такова, что люди для неё — пища, которую она пожирает. Она подобна болезни, поражающей ум, сердце и совесть. Кто страдает этим тяжким недугом, тот жаждет только власти, и больше ничего. И он будет терзать других и будет страдать сам, — всё ради власти. Он будет истекать кровью и будет мучиться, и будет видеть, что от неё одно лишь зло, — но всё равно не откажется от неё. Он — её невольник; и как бы эта неволя ни была мучительна, — для него она сладка. Он мнит, что неволя эта — его жизнь, тогда как на деле она — его смерть. В такой власти нет смысла, но лишь безумие. Вторая из них подобна полю, на котором произрастают злаки наслаждения. Человек добывает её ради того, чтобы она ему служила, как невольница. Она доставляет ему удовлетворение всяческих его прихотей и похотей, и тем для него мила. Наслаждение его не в том, чтобы властвовать, а в том, чтобы иметь всё, чего хочется. Если всё это он сможет получить без жестокости, то он будет добрым властителем; если же нет, то он будет жесток. Если бы он мог получить всё это иначе, чем через власть, то он власти и не хотел бы. В такой власти нет иного смысла, кроме скотского, — ибо такой человек подобен либо голодному скоту, либо сытому. Третья из них подобна полю, на котором произрастают злаки, питающие жизнь. Ищет её тот, кто хочет вершить добро. Такой не вершит зла ради обретения власти и не вершит его властвуя. Власть эта — тяжёлое бремя, и она доставляет властвующему великие страдания; и он подвергает себя им ради блага людей и мира. Лишь в вершении сказанного блага его наслаждение, а не в самой власти. Власть для него — неволя, коей он предался ради блага других. Его власть — благо для державы. Если же она не может уже быть во благо, то он оставит её, сожалея не о ней, но о благе. Такой принимает власть так, словно идёт в сражение, в котором готов и погибнуть ради правого дела. Таковы три рода власти. Но скажу и ещё. Есть две власти: первая — власть над собой, вторая — власть над другими. Первая из них бывает либо по необходимости, либо по желанию. Необходимость провозглашается умом: человек и не желает, — но принуждён необходимостью. Такая власть столь мучительна, что иной её бремени предпочтёт гибель. Желание провозглашается сердцем, — и желание это придаёт великие силы. Не бывает так, чтобы такой не смог обрести этой власти или предпочёл бы ей гибель. Всякая власть над собой есть великий труд: это труд тела, ума и сердца; и это труд благой. Кто не властен над собой, тот ни на что не годится, кроме как на поживу стервятникам. Человеку подобает властвовать над собой; кто этого не умеет, тот пал ниже скотского состояния. Если человек не властен над собой, то что он тогда может, и кто он тогда, и зачем живёт? Без этого не суметь вершить благо; а если

так, то и не суметь исполнить предназначения человека. Вторая из них бывает потому, о чём я уже сказал тебе; и она бывает такою, как я тебе сказал. Великая беда, когда власть над другими обретает тот, кто не властен над собой. Я сказал тебе, какою бывает власть. Смысл же её и предназначение — в том, чтобы вершить благо для мира. Кто имеет власть, но не поступает так, тот подлинной власти не знает и не имеет. Власть, вершащая зло, есть власть ложная: она настолько же подобна подлинной власти, насколько бодливый козёл подобен исполненному благородной мощи льву. Только тот властитель есть подлинный властитель, который употребляет свою власть на благо мира. А всякое, даже малейшее благо, есть благо всего мира, — если оно подлинное благо. Вот один властвует над великой державой, — но властвует не ради блага; а другой нищ, — но сделал добро, хотя и малое, рукой или словом. И этот второй есть подлинный властитель; он могущественнее первого в тысячи тысяч раз. Первый же — пустой сосуд, плод, выеденный червями, ничтожная мошка, обман во плоти. Вот то, что хотел ты знать» (Отцы VIII, 1-58).

Это было прямолинейно до дерзости, — если учесть, к кому были обращены его слова. Услышав их, присутствовавший при разговоре писец перепугался до полусмерти. Но общение с Учителем уже затронуло душу Властителя. Он не был мирным правителем. Он был завоевателем: митэвма начинается именно с того, что его войско вторглось в область Спиртем, где жил Илан со своими учениками, и заняло её. Судя по всему, Властитель был жесток и правил железной рукой. Однако он не был и патологическим зверем, и при иных обстоятельствах сам мог бы быть иным. Как он разглядел в Илане сильного и мудрого человека, так и Учитель разглядел в нём человека умного и достаточно здравомыслящего, к тому же не без совести, и решил остаться на некоторое время, чтобы беседовать со своим бывшим мучителем, — хотя тот уже согласился отпустить его. И он не ошибся. По тексту видно, как от беседы к беседе Властитель меняется, впуская в свою душу то, что говорил Илан. Поэтому он не разгневался на такую откровенность, а принял слова Илана со вниманием и почтением. Обдумав их, он продолжил тему в следующую встречу, уже желая как-то применить узнанное на практике и прося в том совета:

«Придя к Илану, Властитель сказал: «Скажи о том, что следует делать мне». Илан сказал так: «Прежде прочего пойми, кто ты и каков ты. Человек ли ты или нет, властитель ли ты или нет. После пойми, для чего тебе быть человеком и для чего тебе быть властителем. Жить напрасно — хуже, чем не жить вовсе. Если ты найдёшь, что живёшь правильно и вершишь надлежащее, то я тебе не нужен. Если же найдёшь, что жизнь твоя и дела твои неверны, то отыщи в себе желание жить

иначе. Если тебе угодно слушать меня, то позаботься о том, чтобы мои слова не пропали даром. Итак, вот что тебе надлежит сделать прежде всего: понять, желательно ли тебе быть иным». Властитель спросил: «Верно ли я понял, что мне надлежит отказаться от власти?». Илан ответил: «Разве во власти твоя сущность? Глупец не станет умнее, если сменит жилище. Ты не станешь лучше, если оставишь власть, — но власть твоя станет лучше, если станешь лучше ты. Она — твои одежды; тебе незачем снимать одежды, чтобы стать лучше. Если ты станешь иным, то это будет то же самое, как если бы новый человек обрёл власть, приняв её от прежнего властителя. Доброму человеку не зазорно принять власть; а примет ли власть его? Добиваясь её через зло или удерживая её через зло, он более не будет добрым человеком: так власть пожрёт его. Если же он, не желая вершить зло, допустит утрату власти, то это надлежит понимать так, что власть не приняла его, извергла его из себя. Итак, если ты станешь иным, то власть либо пожрёт тебя, либо извергнет; либо же ты и её сделаешь иною». Властитель спросил: «Как же сделать власть иною?». Илан спросил в ответ: «Слышишь ли ты меня? Ведь я сказал, что тебе нужно понять, следует ли тебе стать иным, а не то, как сделать иною власть. Можно ли дать имя ещё не зачатому ребёнку? Впрочем, скажу тебе о сути дела. Всякий властитель есть тот, над кем властвует его сан. Земледелец властвует над полем, — но на деле это оно властвует над ним. Он возделывает его так, как нужно полю, и собирает урожай тогда, когда угодно полю, и не может без него жить. Так и властитель повинуется своему сану. Он властвует над землями и людьми; и власть его такова, чтобы властвовать над ними такими, каковы они есть. Возможно ли властвовать над дурными людьми через то же, через что возможно властвовать над людьми добрыми? Над добрыми людьми не должно властвовать жестоко; а дурные люди не склонятся перед мягкой властью. Поэтому власть такова, каковы люди. И если ты желаешь быть иным, то и власть твоя должна быть иною; а для этого нужно быть иными и людям, над которыми ты властвуешь. Властитель един со своею властью и с тем, над чем он властвует. Поэтому если он желает стать лучше, то он должен порадеть о том, чтобы стал лучше и его народ. Если же нет, то тогда он вынужден будет пресекать зло в народе через другое зло: так власть пожрёт его. Если же он не пресечёт зла в народе, то оно распространится и станет сильнее властителя, и лишит его сана или убьёт: так власть извергнет его. Вот в чём суть: властитель, желающий стать лучше, должен сделать лучше и свой народ. А кто не желает блага народу, тот отнимает его у народа; такой преступен, и едва ли он станет лучше. Добрая власть хороша и для доброго правителя, и для доброго народа. Если хочешь стать лучше, то радей об исправлении народа столь же усердно, сколь усердно радеешь об

исправлении себя. Если же на это тебе недостаёт мудрости и терпения, то тогда сложи с себя сан властителя. Подумай же о том, желательно ли тебе стать иным» (Отцы IX, 1-43).

Можно ли считать всё вышесказанное концепцией власти по Учению? Если говорить о самых основах, не углубляясь в частности, то да, безусловно. Это изложение нескольких общих принципов, позволяющих посмотреть под критическим углом на власть, которой взыскует человек, и на самого человека во власти. Власть может быть инструментом, помогающим сделать мир лучше, но может быть и чудовищем, пожирающим того, кто тешит себя иллюзией, что он приручил это чудовище, — а порой и того, кто пытается его обуздать. А в конце концов всё упирается в людей, в общество. Если общество испорчено, его не исправишь одной лишь справедливой властью и хорошими законами. Оно обернёт власть против её носителя и уничтожит его. Справедливую власть трудно привить на испорченное общество, как трудно вырастить даже самое лучшее плодовое дерево на отравленной почве: оно либо будет отторгнуто, либо вырастет больным и кривым, а плоды его начнут загнивать ещё на ветвях. И это означает, что общество нужно соответствующим образом воспитывать, чтобы оно поняло и приняло справедливую и благожелательную власть, увидев в ней не пустые потуги или ущемление его худших, но привычных стремлений, а способ сделать лучше жизнь людей и мира. Власть неразрывно связана со своим носителем; но ещё прочнее она связана с теми, над кем он властвует. Не только она управляет ими, но и они управляют ею, формуют её, придают ей определённый облик, предоставляют русло для её течения.

Властитель хорошо понял это. Как понял и то, что уже не сможет полностью исправить всё, что сделал со своей страной и своими подданными. Он породил власть-чудовище и научил общество не только уживаться с ней, но и поддерживать её, придавать ей силы, питать её агрессию и жестокость. Теперь ему остаётся одно из двух: либо бежать от своего порождения, уйдя с Учителем, — теперь он уже безоговорочно признаёт Илана своим Учителем и соответствующе почитает его, — либо выступить против того, что сам же создал, и неизбежно пасть в этой схватке.

В последнем эноне рассказывается о том, какой выбор он сделал:

«Потом он сказал: «Хочу пойти с тобою, — но не могу. Вот держава, которую я создал; и я вижу, что много в ней дурного. В том моя вина; и разве могу я уйти? Может быть, я смогу исправить нечто из содеянного; если же не попытаюсь сделать этого, то останусь в скверне, даже будучи в благе. Иди же, Учитель; а слова твои пребудут со мною. Со мною и верный путь. Для меня он пролегает

здесь; я останусь, — но останусь на верном пути. Однако же если ты велишь мне идти за тобой, то я пойду. Но прошу тебя, Учитель: если возможно, то не вели мне этого, — ибо сердце моё призывает меня остаться». Илан молчал, а потом сказал ему: «Сердце твоё не лжёт. Но знаешь ли ты, что остаёшься на смерть? Власть убьёт тебя; вспомни, что я говорил о том, как убивает власть. Другого она, быть может, и не убила бы, — а тебя убьёт, ибо твой путь ей неугоден». Властитель ответил: «Помню твои слова, и знаю, что остаюсь на смерть. Но не это ли мой путь?». И Учитель Илан сказал: «Пусть будет так» (Отцы XX, 3-18).

Властитель остаётся, чтобы погибнуть достойно, попытавшись исправить содеянное, насколько сможет и успеет. Однако перед расставанием с Учителем он передаёт ему на воспитание своего младшего сына, которому не исполнилось ещё и трёх лет. Он хочет подарить сыну возможность, в которой отказывает себе. Илан берёт ребёнка и отправляется в путь. Властитель даёт им воинский эскорт и сам сопровождает их до границ своих владений. Попрощавшись с Учителем и сыном, он возвращается обратно, чтобы вступить в своё последнее сражение, которое будет неизбежно проиграно. Но проиграно лишь его саном и его телом. Волей же и душою оно будет выиграно. А после смерти, в ином мире, у него будет шанс снова встретиться с Учителем и, вероятно, с сыном, и идти с ними рядом по верному пути.

«Отцы» — замечательный текст, устами Учителя Илана раскрывающий нам, как и Властителю, многие важные истины. Не сомневаюсь, что мы ещё обратимся к нему в этой рубрике, и не однажды.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Трудно научиться не делать зла; но ещё труднее научиться не желать зла. А ещё труднее научиться распознавать, не обманываешь ли себя, думая, что не желаешь зла.

(Двадцатидневье IX, 22-23)

Некоторые любят и хотят делать людям зло. Другие не любят и не хотят. Но даже из этих последних мало кому удаётся жить так. Кто-то из них может совершить зло с перепугу, кто-то в состоянии аффекта, кто-то потому, что вынужден, кто-то потому, что расчёт говорит ему: пусть ты добрый человек, пусть ты не хочешь, но сейчас это выгодно. Из них всех можно по-человечески понять лишь того, кто вынужден, — если он действительно вынужден (например, защищая кого-то). Но сколькие из них в глубине души получают удовольствие от вершения зла, и лишь оправдывают это необходимостью, — причём оправдывают для самих себя? А сколькие вершат его сознательно, полагая, что делают это ради высшего блага?

Можно ли жить, не верша абсолютно никакого зла? Нельзя. Все мы вершим его, — по неведению, по заблуждению или ошибке, или каким-то образом оказываемся косвенной причиной чьих-то страданий, или ещё как-то. Тогда так: можно ли жить, не верша зла сознательно? Может быть, и можно. Если очень повезёт и никогда не придётся, скажем, защищаться или защищать кого-то через насилие, прямое или косвенное. Но это не означает желать зла, — хотя не означает и обратного. А можно ли жить, не желая зла? Можно. Только очень трудно. Ведь желание зла встречается гораздо чаще, чем его вершение. Даже миролюбивый человек в минуту раздражения или обиды может пожелать плохого своему противнику или обидчику, — пусть даже мысленно, — или может представить, как с тем происходит что-то плохое, и порадоваться, хотя бы в

мечтах. Чаще всего это происходит само собой, помимо нашего желания. И потом мы, бывает, стыдимся этого. Помимо желания... Но не означает ли это, что если подобное происходит, то желание всё же есть? Где-то глубоко, но есть. Ведь что-то не проистекает из ничего.

Трудно научиться не делать зла. Ведь порой это кажется необходимым, или оказывается приятным (например, месть), или тебе просто всё равно, тебя не волнует, что твои действия могут стать — или даже обязательно станут — причиной вреда, нанесённого человеку, обществу, миру, причиной чьей-то боли. Чтобы такого не происходило, нужно учиться сдерживать себя, не поддаваться этим желаниям, нужно учиться быть внимательным по отношению к тому, что тебя окружает. Это как минимум. Конечно, сперва нужно постараться понять, почему не следует вершить зла, — иначе откуда возьмётся стремление сдерживать себя и быть внимательным? Но даже понимая, это всё равно трудно. Нужна сила воли, которой многим недостаёт. Выработать её — вот и очередная сложность. Поэтому вернейший способ не вершить зла — это не хотеть его. Контролировать свои поступки, чтобы они не служили дурным желаниям, нелегко; но контролировать желания, чтобы они не были дурными, ещё сложнее. Тут уж не обойдёшься приобретением знаний и силой воли. Тут нужно очень сильно изменить себя. Нужно очистить свою душу от грязи. А для этого необходимо очень хотеть очистить её. И поверить, что это получится. Получится, если стремление к этому будет настоящим. Подлинное стремление творит чудеса. Потому что мы сами решаем, какими нам быть, — и в конечном итоге такими и оказываемся.

Однако и тут можно впасть в заблуждение, полагая, что ты не желаешь зла, но всё же желая его. Некоторые таким образом обманывают себя; им приятно думать, что они незлобивы, это украшает их в собственных глазах, и они стараются не замечать собственной злобы. Другие искренне впадают в заблуждение, принимая зло за добро и наоборот. Для того, чтобы не впадать в самообман и заблуждения, нужно жить с открытыми глазами, не боясь увидеть правду, — и прежде всего, правду о себе. Нужно познавать себя и мир, не пытаясь подменить реальность своими представлениями о том, какой она должна быть. Видеть реальность такой, какова она есть, трудно, и бывает очень больно; но учиться этому необходимо. Как научиться не допускать в свою душу зло, если не знаешь его в лицо? Как отыскать путь к благу, если не представляешь, как оно выглядит? А если не знаешь, каков на самом деле мир, в котором ты живёшь, каков ты сам и ради чего всё, то живёшь ли ты? Может быть, это иллюзия существования? Может быть, смысл твоего пути как раз в том, чтобы от иллюзии жизни придти к подлинной жизни? И если так, то умение не обманывать себя, думая, что ты не желаешь зла, есть одна из важнейших вех на этом пути.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Где ты помнишь об Истине, там для тебя и храм. (Малая сотня)

У Учения нет храмов, и никогда не было. Точнее, нет и не было построек, в которых отправляется культ и происходит поклонение сверхъестественным высшим силам. Ведь Учение не признаёт сверхъестественного, и его последователи никому и ничему не поклоняются. Но слово «храм» присутствует в самом названии Учения. Как же так получается?

Причина в том, что храмом для нас является вся Природа, вообще всё существующее. И может ли быть иначе, если наша Вселенная — это сам Творец? Не мистическое существо, от которого человек отделён и которому может лишь поклоняться и повиноваться, а сама живая плоть нашего мира, наша плоть. И душа Творца пребывает в каждом человеке; наши души — её частицы. Куда ни посмотри, везде увидишь Творца: вокруг себя, в себе, в других людях. Это не мистика, а самая что ни на есть вещественная реальность, которую можно не только ощутить или увидеть, но и потрогать. Поэтому поклонение здесь не нужно. С другой стороны, это — Творец, который грандиозен, который создал (пусть и не

мистическим актом) Вселенную из самого себя, который установил её законы, который дал нам свои душу и плоть, ставшие нашими душами и нашей плотью. Сознавая это, переживаешь удивительное смешанное чувство: изумление, радость, восхищение, благоговение, сопричастность к чему-то неописуемо величественному, могучему и прекрасному. Ты словно находишься в храме Творца, в храме всего существующего. И понимаешь, что вся Природа, вся Вселенная и есть храм, — единый, всеобщий храм.

Такова реальность, такова Истина. И если ты помнишь об этом, то храм для тебя везде. Тебе не нужно искать некую постройку, куда можно придти для того, чтобы пережить всё это. Храм там, где ты помнишь о том, что ты в храме. Будь это твой дом, будь это оживлённая улица или запертая темница, будь это горный кряж или океанский простор, будь это космическое пространство, где Земля вращается словно бы у самых твоих ног, — ты всегда в храме. И не просто в храме. Ты сам — его частица. А чем ты в нём будешь, — драгоценным светильником или занесённым туда комком грязи, — решать тебе.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ**

Об истинности Учения

Вопрос: Почему вы так уверены, что именно ваше учение истинно?

Ответ: Ещё один вопрос из тех, которые мне задают довольно часто. Действительно: различных учений много, и приверженцы каждого из них считают его истинным. Почему же я не примкнул к одному из них, а считаю истинным своё учение?

Тут у меня возникают вопросы по поводу вопроса. А по каким критериям спрашивающий собирается оценивать мой ответ? Он полагает, что у него есть возможность определить, будут ли мои доводы отвечать объективности? Он считает себя стопроцентно объективным, точно знает, какова Истина, и может определить, соответствуют ли ей мои доводы? Ведь нет? Большинство тех, кто задавал мне такой вопрос, — для них он был, чаще всего, риторическим, — высказывались в стиле «Ваше учение не истинно, потому что в Библии (в Коране, у Блаватской, Рерихов, Кастанеды, Ошо и т.д., нужное подчеркнуть) говорится другое». Ну хорошо. А почему вы, спрошу я в свою очередь, уверены, что именно

их учения истинны? Ведь у вас же и впрямь нет в руках эталона Истины, с которым можно было бы сопоставить то или иное учение. Ваша убеждённость основана на субъективной оценке того, о чём говорит учение, к которому вы принадлежите. Вы сопоставляете умственный анализ его доктрины (её правдоподобия, логичности, непротиворечивости, этичности и т.д.) со своим личным опытом, прибавляете интуитивное ощущение, и делаете вывод о том, может ли это быть Истиной. Какие ещё возможности у вас есть? Да особо никаких. Вы находитесь в тисках субъективности. И все остальные — тоже. Это нормально, тут никуда не денешься. Определяющую роль для каждого играет его опыт и основанная на этом опыте оценка. И задавая мне свой вопрос, вы предполагали услышать что-то другое? Напрасно. К чему я всё это говорю? К тому, что в таких вопросах предполагается оценка одной субъективности с позиции другой субъективности, — и оценка эта с вероятностью 99% будет отрицательной. А значит, такой вопрос вряд ли имеет смысл. Ответ, каким бы он ни был, почти наверняка никому ничего не докажет.

Но всё же отвечу.

Я тоже основываюсь на своём субъективном опыте. Другое дело, что в моём

случае он относится не к одной жизни. Я помню свою предыдущую жизнь и пребывание в мире энергии после неё, до нового рождения; помню, как в мире энергии видел Бога Мудрости и как готовился к новому рождению и к тому, что я делаю сейчас. Обо всём этом уже рассказывалось на страницах журнала, поэтому вновь пересказывать не буду. Суть в том, что мой опыт подтверждает то, чему я учу. Я не просто узнал это от кого-то, но видел сам. Лично для меня это — основная причина, по которой я убеждён в истинности Учения. Я говорю о том, что пережил, видел, помню и знаю. И если этого должно быть недостаточно для уверенности, то чего же тогда достаточно? Научных данных? Да, безусловно: научный факт имеет огромное, часто определяющее значение для познания. Но увы: наука ещё не в состоянии познать то, о чём говорят духовные учения, а также личный опыт многих людей.

Некоторые возражают мне так: «А что, если эти воспоминания — всего лишь иллюзия, галлюцинация? Что, если ничего этого в действительности не было?». Что ж, предположим. Ну а где тогда гарантия, что и всё остальное — не иллюзия? Вот вы спрашиваете меня, а сами-то уверены, что ваши собственные воспоминания — не галлюцинация? А вдруг даже то, что мы с вами сейчас беседуем, тоже галлюцинация, — причём неизвестно, моя или ваша? Ведь у вас, как и у меня, нет иного критерия для определения реальности происходящего, кроме собственного восприятия. И если ваша биография подтверждена документами, то, возможно, они вам тоже мерещатся? Почему нет, если мне могли примерещиться последние 2500 лет моей биографии, с подробностями и деталями? Это во-первых. А во-вторых, здесь имеет смысл обратиться к анализу и оценке Учения. Оно масштабно и глубоко, связно, логично, непротиворечиво, этично, и действительно даёт ответы на важнейшие вопросы (относительно этого будет лучше спросить моих учеников). Может ли такое учение появиться в результате галлюцинаций, как продукт бреда? Очень и очень сомневаюсь.

Как я уже сказал выше, вопрос, почему я сам считаю своё учение истинным, едва ли имеет смысл, и ответ на него едва ли кого-то в чём-то убедит. Поэтому если вы хотите составить мнение об истинности Учения, лучше обратитесь к нему самому. Если вы внимательно и вдумчиво ознакомитесь с ним, и не увидите в нём Истины, тогда никакие мои доводы вас не убедят.

© Атархат, 2017

РУБРИКА: **ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ**

О главной теме Учения

Вопрос: Что значит «Главной темой Учения является человек»?

Ответ: Действительно, некоторых это утверждение удивляет. Ведь Учение рассказывает о важнейших и поистине грандиозных предметах — о беспредельном Бытии и его законах, о сути добра и зла, о Творце, об устройстве Вселенной, об иных мирах, о богах и многом другом. Однако всё это рассказывается для того, чтобы помочь человеку понять, как устроен мир и какое место в этой системе занимает он, человек, каков смысл его существования, его предназначение, и как ему следует жить. Этого нельзя понять в отрыве от контекста, в котором существует человек. Чтобы он мог познать себя, он должен познать реальность, в которой живёт. Поэтому знания о законах Бытия, Творце и т.д. ценны не сами по себе, а как часть познания человеком себя. Учение предназначено для человека, и оно говорит о нём, — в том числе и через знания о той безграничной реальности, благодаря которой и ради которой он существует.

При этом описанию, так сказать, контекста посвящена меньшая часть Учения. Большая же его часть посвящена непосредственно человеку — его сущности, его предназначению, его качествам, его внутреннему содержанию, его борьбе, принципам правильной жизни, морали и этике, отношению к миру и другим людям, посмертию и перерождениям, его совершенствованию, и ещё очень и очень многому. Понять всё это не просто важно, но и необходимо, — и потому Учение рассказывает людям о них же самих, в контексте Мироздания. Это и есть основная тема Учения. Ведь его задачей является помочь человеку научиться быть тем, чем он должен быть для Вселенной.

© Атархат, 2017

Читайте в следующем номере:

«В глубинах души» — Принято считать, что кроме сознания человек имеет ещё и подсознание, — некий сокровенный от него самого слой психики, где записан, так сказать, подтекст его личности: скрытые ассоциации, реакции, пристрастия, скрытая память и т.д. На самом же деле подсознание — не самый глубинный слой психики. Существует ещё более глубокий и гораздо более важный уровень — то, что в Учении называется духосознанием. Почему более важный? Потому что именно духосознание несёт в себе основу человеческой личности, в то же время объединяя её с личностью Творца.

«От религиозности к духовности» — Понятия «религиозность» и «духовность» в общественном сознании давно уже превратились в синонимы. Тому есть причины. На протяжении всей истории человечества его мировосприятие было, в основном, религиозным. И когда речь шла о духовности, это автоматически подразумевало религию. Люди привыкли воспринимать духовность именно так. Но в самом ли деле религия имеет монополию на неё? В самом ли деле за рамками религиозности духовность становится пустым словом? Вовсе нет. И уже давно пришло время отказаться от такой точки зрения как от устаревшей.

«Аномальные явления — окно в мир энергии?» — Человек всегда с огромным интересом, замиранием сердца, а часто и с опаской присматривался к тому, что теперь называется аномальными явлениями. А их разновидностям, поистине, нет числа. Это и необыкновенные способности человека, от телепатии до пирокинеза, и НЛО, и полтергейст, и вампиризм, и появление различных чудовищ, и круги на полях, и Бермудский треугольник, и прочее, прочее, прочее... Одни во всё это не верят, другие пытаются подыскать аномалиям какие-то объяснения, — а поскольку сделать это сложно, то в ход порой идут самые экстравагантные версии, вроде дыр в параллельные пространства. Но в действительности всё может оказаться проще. Рассмотрим версию о мире энергии.

«Фанатизм мнимый и подлинный» — Кого обычно называют фанатиками? Тех, кто в религиозном ослеплении ведёт себя агрессивно, не считаясь с другими людьми и становясь опасным для них. Вернее будет сказать, так было раньше. В наше же время всё чаще отмечаешь, что фанатиками называют уже совсем других. Как правило, тех, кто строго придерживается принципов или отстаивает свою точку зрения. Теперь уже достаточно с кем-то в чём-то не согласиться или не поступиться принципами, когда это выгодно, чтобы получить клеймо фанатика. Почему так происходит?

«Умереть в жизнь» — В митэвме «Двадцатидневье» есть впечатляющий эпизод: Учитель внезапно велит ученице ночью отправиться в лес, где водятся хищные звери, чтобы умереть там. Когда доходишь до этого места, поражаешься столь жестокому поступку. Зачем он это делает? Но в то же время понимаешь, что не всё здесь так просто, как кажется. Понимаешь, что есть в этом особый смысл. Тем более, что поступает так не какой-нибудь полоумный садист, а Учитель, который знает, что делает. В чём же тут дело? Разгадка не заставит себя долго ждать.